

Никогда не отчаивайся!

Третий брак
бедной Лизы
роман

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Наталия Миронина
Третий брак бедной Лизы
Серия «Счастливый билет.
Романы Н. Мирониной»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=13101892

Третий брак бедной Лизы : роман / Наталия Миронина: Э; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-84590-3

Аннотация

Муж ушел. Собрал минимум вещей – и привет.

Не ожидавшая такого Лиза растерялась. И начались ее мучения: наследница роскошной квартиры в центре Москвы, она была вынуждена снимать жилье, устроившись для этого на три работы... Трудолюбивая и покладистая, она приглянулась Тихону. А после свадьбы выяснилось, что он тиран, самодур и любитель домашнего насилия. Залечив моральные и физические раны после развода с ним, Лиза уже не рассчитывала, что судьба преподнесет ей счастье на тарелочке. Но именно из-за одной старой тарелочки в жизни Лизы начали происходить удивительные события...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	68
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Наталья Миронина

Третий брак бедной Лизы

© Миронина Н., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

*** * ***

Глава 1

Мама была права. Мама была права, утверждая, что мужа не стоит баловать изысканными завтраками, идеально глаженными рубашками и уютной тишиной выходного дня. Не стоит, потому что муж все равно может уйти. Лиза Чердынцева обвела взглядом комнату, заметила торчащий из шкафа рукав плаща и вздохнула. Ее муж вчера ушел. Ушел с одной сумкой, в которую аккуратно сложил белье, костюм и куртку. Ее муж Андрей был умным, добрым и красивым, он очень любил их дочь, но все равно ушел к тетке с двойным подбородком, толстыми ногами, похожими на букву «Х», и прической, как у Джеки Чана, – черные блестящие волосы лежали шлемом вокруг ее круглого плоского лица. «Я несправедлива. Я злюсь, поэтому несправедлива», – Лиза дважды повторила про себя фразу, но объективности в отношении тетки-разлучницы не прибавилось. Как ни странно, изменивший муж злости не вызывал. Он уходил так благородно, что Лизе даже захотелось упаковать для него несколько кастрюль – вдруг в его новой семье их не хватает. «Впрочем, такая имеет всё – и кастрюли, и сковородки, и чужих красивых мужей», – опомнилась Лиза и попыталась разозлиться. Ей до сих пор не верилось, что все эти сборы – окончательный и бесповоротный разрыв, итог их семилетней жизни, конец их дома – дома уютного, сума-

тошного и немного безалаберного.

Лиза наблюдала, как Андрей тщательно, знакомыми жестами складывает вещи, и почти не ощущала беспокойства. Казалось, муж собирался в командировку.

– Ты точно все решил? – наконец спросила она.

– Лиза, да, точно. Но мы будем общаться, и Ксюшу я буду навещать часто. Думаю, ты не будешь возражать.

– А почему я должна возражать?

– Ну, мало ли... – смутился Андрей и принялся складывать свои трусы. Аккуратно так, шовчик к шовчику.

– Брось ты это! – не выдержала Лиза.

Андрей поднял голову и, набрав в легкие воздуха, произнес:

– Лиза, не надо...

– Брось мучиться, трусы сложи в стопку и сверни в рулончик. И быстро, и не помнутся, и места мало в сумке займут.

– А... – благодарно отозвался уходивший муж.

Лиза про себя усмехнулась: «Никогда! Никогда я никого не останавливала. И его не стану!» Она прошла на кухню и зашумела кофеваркой.

Андрей ушел, даже кофе не попил. Лиза постояла у окна. Вот он усаживается в машину, осторожно лавирует, выезжая со двора, а затем автомобиль, набрав скорость, вливается в поток Ленинградского проспекта. «Интересно, где он теперь будет жить?» – Лиза впервые за последний год задала себе вопрос, ответ на который иные жены на ее месте зна-

ли бы уже давно. Лиза же была нелюбопытна. И не очень внимательна. И доверчива. Всезнанию она интуитивно предпочитала неинформированное спокойствие.

– У него любовница, – сообщали ей со всех «заинтересованных» сторон.

– Что-то он у тебя очень задумчивым стал... Даже для ученого-биолога это слишком... – подмечала ближайшая подруга Марина.

– Да? – удивлялась Лиза и даже не пыталась присмотреться к мужу. Она знала, что в силу своего легкого характера, широты натуры и легкого пофигизма Андрей вполне искренне сможет разделить себя на две равные части – семейную и любовную. И сделает он это по-доброму и искренне. Ну, вот такой характер! Перемена места жительства, конечно, намекала на то, что интересы несколько сместились. Впрочем, Лиза не сомневалась: в ближайшие выходные Андрей появится на пороге ее дома.

Когда машина бывшего мужа исчезла из вида, Лиза принялась за уборку. В ее доме всегда было чисто, но сейчас, когда после сборов в доме нарушился привычный уклад, Лиза засучила рукава, достала пылесос и принялась наводить блеск. Работа ее отвлекала сразу от двух тяжелых мыслей. Первая звучала примерно так: «Вот я теперь одинокая женщина!» Вторая была более оригинальной: «Перед мамой надо предстать во всеоружии – чтобы она даже не заподозрила, о моих переживаниях!» Вторая мысль была назойли-

вой и противной – Лизе казалось, что ее обязательно будут выводить на чистую воду и добиваться от нее положенных слез и причитаний. «Но что поделать, если я не переживаю! Во всяком случае, пока!» Лиза на ходу взглянула на себя в зеркало и с удивлением отметила, что столь неприятное событие вовсе не отразилось на ее внешности.

К маме она явилась ровно в три часа. К дому родителей Лиза подошла чуть раньше, но, взяв себя в руки, дождалась оговоренного времени, и только когда большая стрелка на часах вплотную подошла к двенадцати, Лиза вошла в подъезд. В огромном гулком вестибюле ее встретила консьержка. Лиза миновала зеркальную стену, потом поднялась по лестничному пролету и только потом вошла в лифт. За это время она успела тайком перекреститься, несколько раз глубоко вздохнуть и прошептать про себя: «Ну в конце-то концов! Мне тридцать лет!» Лиза не могла избавиться от ощущения вины, будто это она ушла из семьи, бросив шестилетнего ребенка.

– Привет! – Лиза весело поздоровалась с мамой.

– Здравствуй! – сурово ответила Элалия Павловна.

– Где Ксения? Как она?

– Она с Ритой пошла в «Армению» за чурчелой.

Рита была приходящей домработницей, порой она выполняла роль няни. Мама испытующе посмотрела на Лизу и произнесла:

– Ксения – нормально. Пока. Но что будет дальше?! – Эла-

лия Павловна многозначительно пожала плечами.

– Все будет хорошо. – Лиза намеренно тщательно выбирала яблоко в большой вазе, пытаясь отвлечь маму и не позволить ей сосредоточиться на допросе.

– Ну, Андрей что, уехал? – спросила Элалия Павловна.

Лиза ответила не сразу, словно показывая, что есть дела поважнее, чем обсуждение поступков мужа. Например, отрывание яблочного хвостика.

– Да, уехал, – наконец ответила она.

– Ясно. Как вообще ты могла это допустить?! У вас же ребенок?! – Мама выпалила все эти вопросы на одном дыхании.

– Мам, я ничего не допускала. Я даже ничего не замечала. И потом, если это должно было случиться...

– Что – это?

– Ну, – тут Лиза смутилась, она не очень привыкла откровенничать с матерью. – Ну, то, что он влюбился...

– Господи, влюбляйся сколько влезет! Но тогда детей не заводи!

– Мам, что ты на меня сердишься? Это же не я ушла. – Лиза робко попыталась успокоить мать.

– Неважно! Семья – это двое, оба виноваты, когда такое происходит!

Лиза промолчала. Она действительно ощущала вину, и это чувство было сильнее обиды. «Сейчас мама мне внушит, что все произошло из-за меня!» Лиза посмотрела на об-

грызенное яблоко, собираясь заплакать.

– Кто она? Эта мадам, к которой он ушел?

– Понятия не имею, – растерянно пожала плечами Лиза. Заплакать не удалось – она не ожидала, что мать задаст подобный вопрос.

– Как? Совсем ничего не знаешь? – Элалия Павловна с удивлением посмотрела на дочь.

– Совсем. Мне это неинтересно. Это ведь ничего не изменит, если я буду знать, какого цвета у нее глаза и где она работает. – Лиза не лукавила: как выглядит соперница, она узнала совершенно случайно.

– Да? – Чувствовалось, что мать растерялась. В этом спокойном неведении дочери было какое-то превосходство.

– Да, – односложно ответила Лиза, мечтая о том, чтобы эта беседа закончилась как можно быстрее.

– Ну? Он хоть что-нибудь сказал?! Как вообще это происходило?! – Мама по-прежнему возмущенно смотрела на дочь.

– Никак. Он спокойно собрал сумку – какое-то белье, костюмы, куртку... Мам, представляешь, он ушел с одной сумкой...

– А что тут представлять?! У него же ничего нет! Квартира принадлежит нам... – Теперь в мамином голосе послышалась агрессивная уверенность...

Тут надо заметить, что гордостью семьи Чердынцевых, кроме не вызывающих сомнений карьерных достижений,

была еще их собственная звучная фамилия и... недвижность. Отец Лизы, «тихий барин», как его называла одна из консьержек, был конструктором. Над чем он работал – никто никогда не знал, и это считалось делом вполне естественным. Видимо, не скороварки паяли на его производстве. Именно от этого производства Петру Васильевичу и дали неплохую квартиру в сталинском доме в районе метро «Сокол». И только Петр Васильевич обрадовался, что до работы можно будет добираться пешком в серые переулки Ходынки, как умерла родственница жены и семья получила в наследство огромную квартиру в знаменитом доме Нирнзее в самом центре Москвы в двух шагах от Красной площади. Элалия Павловна, жена Петра Васильевича, дама волевая, несмотря на «мягкое», придуманное родителями имя, железной рукой организовала переезд в великолепное жилище с огромными потолками и окнами. Но не все члены семьи разделяли ее энтузиазм.

– Вы даже не понимаете, что второго такого дома в Москве – нет! – восклицала она.

Действительно, второго такого дома в Москве не было. Тут Элалия Павловна, музыковед, педагог, автор нескольких учебников и вообще очень культурная женщина, не преувеличивала.

Немец Нирнзее свой доходный дом «недорогих квартир» построил в Большом Гнездиновском переулке в 1913 году. Расчищая площадку под строительство, он снес кучу ма-

леньких домишек, выбрал самый необычный проект, пригласил художника Головина для создания огромного панно, и вот уже вскоре дом-легенда превратил уютный московский переулок вблизи Пушкинской площади в ущелье – огромный дом возвышался скалой и застил солнце. Эрнст Карлович был человеком крайне практичным, а потому квартиры были небольшие и недорогие. Расчет оказался верным – маленькое жильё пользовалось у москвичей успехом. К тому же на крыше дома был зеленый двор, кинотеатр и ресторан. Родственники же Чердынцевых по материнской линии были из «бывших» – две «графинюшки», вдовы с детьми, каким-то образом затерялись в огромном доме и пережили самые лихие времена. Когда Лиза была маленькой, она помнила нечастые визиты в эти заставленные мебелью квартиры – старухи, уже внучки тех самых вдовьих детей, жили небогато, стол их был скуден, но хороший кофе имелся всегда.

Чердынцевы переехали в Большой Гнездниковский в тот год, когда Лиза заканчивала школу, ее младший брат Боря перешел в пятый класс, а Элалия Павловна выпустила свой первый учебник по истории русской музыки девятнадцатого века.

Элалия Павловна восклицала:

– Вы не понимаете происходящего! Мы будем жить в самом центре Москвы, в знаменитом доме! Это же сердце русской и советской культуры.

Вслед за этим восклицанием она перечисляла имена и фа-

мили, и всем казалось, что Элалия Павловна зачитывает вслух том Советской энциклопедии. Сын Боря помалкивал – он уже знал, что маму переспорить нельзя. Лиза переезду радовалась – по сравнению с тихими и почти провинциальными Песчаными улицами «Сокола» здесь ощущался столичный драйв. Да и сам дом ее удивлял – огромные вестибюли и широкие сквозные лестницы, четыре лифта, специальный зал для проведения различных мероприятий, апартаменты (иначе и не скажешь), консьержка. Попадая сюда, сразу забывались типовое жилье, теснота лестничных площадок, унылые малярные эксперименты ЖЭКов. Впрочем, этот дом был чем-то вызывающим и в эпоху нового строительства – уникальная архитектура, основательность отделки этого старинного гиганта превращали дом Нирнзее в подлинный шедевр, все же остальное на его фоне казалось дешевым новоделом.

Квартиру Элалия Павловна оформила так, что приходящие гости только качали головами. Дорогой вычурной мебели было немного, и этот сознательный лаконизм подчеркивал размеры и объемы. По стенам в дорогих рамках были развешаны старинные фотографии всего семейства Чердынцевых – женщины в кружевных платьях, сановники с неестественно прямыми спинами и огромными орденами на груди, дети в матросских костюмчиках. Отдельно висели фотографии советских и партийных деятелей – Чердынцевы умели делать карьеру при любой власти. Родни Петра Васильевича

было совсем немного – лица его предков казались не такими надменными, костюмы не такими щеголеватыми.

– Ваша ветвь всегда была ближе к земле, – снисходительно отмечала Элалия Павловна. Забавно, что и Петр Васильевич, и его жена – оба они были Чердынцевыми. Только разных, очень дальних ветвей этого рода, таких дальних, что и родственниками их считать было нельзя. Познакомили Петра и Элалию друзья, решившие познакомить друг с другом двух редких однофамильцев.

«Мой маленький паровозик!» – так, будучи в состоянии легкого «навеселе», при гостях, Петр Васильевич опрометчиво, но точно охарактеризовал супругу. Энергичная, пробивная, громкая и вся какая-то округлая, Элалия Павловна в семье была локомотивом.

– Ты – в отца! Ты вся в его родню! – часто слышала Лиза в свой адрес и нисколько не обижалась на слегка пренебрежительный тон матери. Отец казался дочери верхом совершенства – спокойный, работающий, ласковый, не склонный к перепадам настроения, он был близок с детьми и никогда не пугал их амбициозными требованиями. В отличие от Элалии Павловны, он не ждал от своих отпрысков доказательств исключительности ни в плане ума, ни в плане успешности.

– Надо нормально учиться и много читать. – Это он повторял неустанно.

Мама же требовала от детей активности, которая могла бы в будущем привести к головокружительной карьере.

– Вот бросила музыкальную школу, а могла бы уже в Гнесинке выступать, а это прямой путь к хорошему замужеству! Там очень много талантливых и перспективных молодых людей! – укоряла Элалия Павловна дочь.

Увы, к вполне справедливым требованиям примешивались «светские» амбиции – сын должен ловко поддерживать разговор с гостями и галантно «расшаркиваться» с дамами. Дочь должна отлично выглядеть и уметь себя подать.

– Лиза, вот что ты вчера ответила Светлане Петровне, когда она спросила, почему ты поступила в медицинский?

– А я ничего особенного не ответила. – Дочь пожалала плечами.

– Вот именно, а должна была дать понять, что выбор неслучаен – с детства ты мечтала стать врачом, поэтому упрямо и целенаправленно шла в мединститут. Что ты хочешь заниматься научной работой, планируешь поступать в аспирантуру. Такой ответ характеризовал бы тебя как цельную натуру, упорную, работающую девушку. Девушку, которая совершает поступки обдуманно.

– Мам, зачем это Светлане Петровне?

– Ей – незачем, это надо тебе! Это надо твоей семье. Мне. Приятно, когда говорят: «У Чердынцевых дети – умные, воспитанные, целеустремленные». К тому же у Светланы Петровны знакомые есть... в Министерстве здравоохранения.

– А-а-а, – протянула Лиза.

– Не «а-а-а». Речь не о чем-то неприличном. Речь о том,

что во все времена важно мнение окружающих. Важны знакомства. Мнение общества. И свое место в этом обществе надо завоевать.

Элалия Павловна знала, о чем говорила. Свое место в музыкальной жизни Москвы она завоевала титанической работоспособностью, энциклопедическими познаниями в области музыкальной культуры и ярким преподавательским талантом. Эти качества удачно дополнялись амбициозностью и умением обворовать нужного собеседника.

Успех Элалии Павловны пришелся на переломные девяностые. Сама она, в душе проклиная перемены, старалась не упустить время и людей. Люди для нее были тем самым «лифтом», который поднимал ее наверх.

Лиза удивлялась маме и понимала, что ничего такого в ее собственной жизни и не случится. Она стеснялась при большом скоплении известных людей – отвечала невпопад, краснела и старалась побыстрее улизнуть из гостиной. Элалия Павловна и сердилась, и смущалась – ей хотелось, чтобы дочь соответствовала ее блестящему положению. Но дети, увы и ах, росли людьми несветскими.

Лиза тем временем с удовольствием училась в медицинском на педиатра, ни о какой аспирантуре не думала, а мечтала о тихой районной поликлинике, дежурствах и домашних вечерах с мужем. Мужа она нашла быстро. Андрей, студент-биолог, заехал на кафедру педиатрии за рефератами, встретил там Лизу. Она как раз радостно изучала свою за-

четку.

– Отличница? – улыбаясь, спросил Андрей.

– Да, – кивнула Лиза и покраснела. Она обожала получать пятерки. Ей нравилось, когда в аккуратных клеточках ведомости красовались пузатенькие «отлично».

– Что, ни одной четверки? Ни разу?

– Ни одной! – с гордостью подтвердила Лиза. – А у вас?

– А у нас, – с мелким ехидством ответил незнакомый парень, – пятерки получать неприлично. Мы – люди взрослые, серьезные, нам эти школьные дела не «в кассу».

– А кому это – вам?

– Биологам. Я в МГУ учусь на биологическом. Изучаю водоросли.

– А, так бы сразу и сказали! – Лиза рассмеялась. – Водоросли изучать – не детей лечить – это и забубенный троечник может. Никакой ответственности.

– Ну, не скажите... – Молодой человек вмиг стал серьезным.

– Понятно, – перебила его Лиза. – Можете продолжать. Вы сейчас будете убеждать меня, что ваша профессия самая лучшая. Мы пойдем бродить по весенней Москве, лучше по Бульварному кольцу... Или нет, поедем на Воробьевы горы, на смотровую площадку. Мы стоим – за спиной университет, внизу Москва как на ладони. Вы будете говорить, говорить, говорить... И я, сраженная вашей преданностью делу, влюблюсь в вас... Или убью. За болтливость.

– Давно в кино были? – деловито осведомился молодой человек.

– Давно. Можно сказать, и не была почти...

Мультфильмы на утреннем сеансе в кинотеатре «Ленинград».

– Тогда лучше и не начинать.

– Вот и я о том же.

– Может, пару коктейлей в клубе «Беглец»? Танцы и караоке?

– А что-нибудь более интеллектуальное?

– Например?

– Хочу на выставку импрессионистов. Но там такая толпа!

– Попробую, хотя и не обещаю. Но это в перспективе. А сегодня можно погулять... Погода отличная! Только вот рефераты надо домой закинуть. Ну, как?

– Вы с ума сошли! Будущие педиатры по чужим квартирам не ездят.

– Вот и не угадали – как раз педиатры по чужим квартирам ездят. На вызовы.

Лиза рассмеялась:

– Это после диплома.

– До диплома-то ждать долго. И потом, у меня дома – мама. Не бойтесь. Кстати, это она послала меня за рефератами. Она «преподом» у вас работает...

– Да что вы?! И на какой кафедре?

– Не бойтесь, не у вас. Санитария и гигиена...

Лиза внимательно посмотрела на собеседника. Высокий, худой, широкоплечий. У молодого человека было красивое лицо – резкие, но правильные черты, немного смуглая кожа, глаза серые, обрамленные темными ресницами.

«Это хорошо, что у него глаза маленькие, – подумала про себя Лиза. – Терпеть не могу красавчиков». Впрочем, она слегка преувеличивала – ее опыт общения с мужчинами ограничивался парой поцелуев, пятью свиданиями и одним серьезным выяснением отношений. Отношения выясняла не она, а староста их группы, который в нее влюбился на первом курсе. Лизе было не до него – ей надо было получать пятерки.

– Ну что, согласны?

– А может, все-таки в кино? Что-нибудь такое, веселое? Можно в «Иллюзион».

– Нет, не получится, – покачал головой молодой человек.

– Это почему?

– У меня нет денег, временный финансовый кризис.

– А как же клуб «Беглец» и караоке?

– Там знакомства. Там учитывают мою хорошую кредитную историю.

У Лизы испортилось настроение – этот симпатичный молодой человек нарушал все правила игры. По ее мнению, о безденежье мужчина говорить не должен, а должен ухаживать так, чтобы дама даже не догадывалась о возможных материальных трудностях.

– Что это вы надулись?

– С чего это вы взяли? – Лиза дернула плечом.

– Что ж я, не вижу?! Впрочем, можете не объяснять.

Вам не понравилось, что я признался в финансовой несостоятельности. Но зачем я буду вам морочить голову?! У нас же не роман. И я не стараюсь вам понравиться.

– А если бы старались, то вдали? – прищурилась Лиза.

– А то! Спрашиваете! Я бы знаете, каким петухом тут ходил?!

Лиза чувствовала, что молодой человек смеется над ней, но, как надо на это отреагировать, она не знала. Что-то очень обаятельное и простое было в его поведении.

– Вас как зовут? – наконец решила Лиза.

– Андрей, а вас?

– Лиза. Мне очень приятно, но давайте встретимся завтра, там решим – кино, или выставка, или погулять?

– А не обманете? – Андрей пристально посмотрел ей в глаза.

– Не замечена в этом.

– Тогда – договорились. Пока! – Андрей махнул ей пачкой распечатанных рефератов и вышел из аудитории.

«Ну-ну, так я тебя и буду ждать! – повесила нос Лиза. – Ты даже телефон у меня не узнал. Ну и черт с тобой!» Она положила зачетку в сумку, и в это время...

– А телефончик? Как же я без телефончика?! – просунул голову в приоткрытую дверь Андрей.

На следующий день он ждал ее у института.

– Ну, как сегодня, пятерка была? – Он посмотрел на довольное лицо спутницы.

– Да, я уже почти все экзамены сдала. Досрочно.

– Это хорошо, – сказал Андрей, – потому что у нас большие планы.

– Какие?

– В выходные мы едем к моим друзьям.

– И далеко ехать надо?

– Господи, а вы совершеннолетняя? – Андрей даже оставился.

– Да, вполне, а что?

– Напрягаетесь, как только вас приглашают куда-нибудь. Может, мне у вашей матушки вас отпросить надо?

– Отпросите. – Лиза вдруг представила картину – строгая и высокомерная Элалия Павловна и этот такой смешливый молодой человек.

– А куда ехать надо?

– В смысле?

– Чтобы вашу матушку застать?

– Я пошутила.

– Жаль, я бы хотел с ней познакомиться.

– Это зачем еще?

– Сразу будет понятно, стоит ли тебе делать предложение?

Ведь дочери ужасно похожи на своих мам. Доказано.

– Ерунда, а потом, кто тебя просит мне предложение де-

ать?! Мне и так хорошо!

– Согласен, семью заводить рано.

Лиза промолчала, и опять у нее испортилось настроение – опять этот молодой человек вел себя не так, как ей хотелось. Для начала хотелось осторожных разговоров о предметах нейтральных – путешествиях, книгах, улицах города, каких-то интересных случаях. Затем спутник должен был рассказать о себе, скромно так себя похваливая. Вслед за этим подойдет ее черед – она скупой парой слов, обрисует свой характер, привязанности и привычки. Он удивится, внимательнее на нее посмотрит, потом сделает комплимент, подчеркнув свою заинтересованность. Она же будет доброжелательна и немного рассеянна – ведь что тут удивительного – свидание с молодым человеком... И она не будет раздавать авансы в первый день, она даже откажется от следующей встречи, если он попросит. Она будет держать паузу и соблюдать дистанцию, чтобы заинтриговать его. Вместо этой схемы, которую на разные лады описывают все без исключения женские журналы, новый знакомый быстро расставил все знаки препинания: «Семью заводить рано». И точка. Далее, через запятую, с восклицательными знаками в конце, у него шли «удивительные друзья», «большая наука» и «классное занятие – горные лыжи». Лиза внимательно слушала Андрея и пришла к выводу, что места для девушки в этом плотном графике остается весьма немного. А прислушавшись к интонациям и окончательно вникнув в слова, Лиза и вовсе встала

в тупик.

– Слушай, у нас какой сейчас год? – спросила она неожиданно, перебив его красочный рассказ о прелестях горных закатов.

Андрей замолк и остановился, словно налетел на пень.

– Одна тысяча девятьсот девяностый.

– То есть ты в курсе?

– Вполне.

– Ну, значит, у вас в МГУ жизнь студентов такая замечательно-беспечная, что только и волнений о том, будет ли снег на склонах после пятнадцатого марта. Причем следующего года.

– Примерно так. Нет, конечно, есть проблемы научного характера, но я же не могу обсуждать их с тобой.

– Я – о другом. – Лизу вдруг взяла злость. – На дворе девяностые. Все рушится, все исчезает. Все меняется. Меняется так, что вечер с утром и сравнить нельзя. Вот, например, мой отец. Ты знаешь, кто он? – Лиза вдруг повысила голос, но тут же взяла себя в руки.

– Откуда мне знать?! – Андрей пожал плечами.

– Да откуда тебе знать, тебя интересует хорошая лыжная мазь и то, что лыжи «Альпина» – на самом деле барахло, поскольку появились, наконец, другие высококлассные марки.

– При чем тут твой отец?

– При том, что он, ученый, вынужден был бросить работу, поскольку закрыли его организацию, и теперь он преподает.

Студентам. Таким, как ты, которым дела до всего происходящего нет. Потому что появилось много разных высококлассных вещей. – Лиза перевела дух. В запальчивости она не обратила внимания, что Андрей даже не удивился ее выпадку.

– Слушай, Лиза, это сейчас происходит со всеми. Почти со всеми, кто старше нас. Такое время. Ну, как тебе объяснить... – он помялся. – Видишь ли, мне кажется, что все этого хотели. Вот именно таких перемен. Понимаешь, все уже готовы к ним были. У нас в доме собирались друзья матери – так они до утра спорили о том, когда это случится. Все хотели этого, но все почему-то думали, что это будет похоже на... Ну, на смену сезонов. Была зима, наступила весна, половодье, распутица. Ну, ничего, походим немного в калошах, там, глядишь, лето уже на подходе. А оказалось, все не так. Оказалось, что это похоже на сейсмические волнения – земля под ногами расступилась, и в дыру провалилось многое. И многие. И, заметь, это только начало. Все самое трудное – впереди.

– Значит, ты об этом тоже думал?

– А как об этом не думать?

– Многие и не думают. Шатаются по клубам, учиться бросили. И еще такое вокруг свинство развели – такой грязи в Москве раньше не было.

– Ты – социально активный тип горожанина, – рассмеялся Андрей. – Редкий случай среди симпатичных девушек. Да не обижайся, я же не со зла. И понимаю тебя. Мне учиться

ся надо, а стипендия и так невысокая была, но теперь с этими ценами она и вовсе бесполезна. Продуктов нет. Мама всё приносит эти заказы – курицу, сайру в собственном соку, польский маргарин и китайские сосиски. Интересно, из кого они сделаны.

– Из чего, – поправила его Лиза.

– А ты очень странная. – Андрей вдруг остановился и улыбнулся. – Я впервые встречаю девушку, которая так себя ведет на первом свидании.

– Я разозлилась. Ты выглядел слегка фатом. Если это слово можно применить сейчас.

– Да я не хотел. Дело в том, что у меня действительно отличные друзья. И мы решили, что заниматься будем наукой, что бы ни случилось. Мы все подрабатываем. В том же самом клубе «Беглец». Его открыл наш выпускник. Вот он берет только своих – кто дежурит, чтобы бардака не было, кто убирает, кто – на кухне. Ты думаешь, я у матери пятерку стреляю? Нет, я иногда больше ее приношу. Она, конечно, волнуется, начинает ругаться...

– Почему?

– Боится, что деньги соблазнят и брошу я свою науку.

– Зря боится?

– Ну кто может это точно знать?! Никто. Но мне неинтересно просто зарабатывать деньги. Хотя я чувствую, наступает сумасшедшее время: возможности и потери равны – и то и другое могут быть просто фантастическими. Мы даже

не понимаем, что с нами происходит. Да, сейчас я зарабатываю деньги почти что черным трудом. Но я это делаю ради учебы.

Лиза остановилась.

– Ты меня извини. Что-то совсем не то ляпнула. Понимаешь, я учусь на «отлично» из принципа. Вот просто из принципа. Я могла бы получать четверки. Но я совершенно точно хочу работать в обычной поликлинике и хочу быть врачом, в дипломе которого честные оценки.

– Вот именно – в поликлинике?

– Да, в обычной. Моя мама говорит, что я иду по пути наименьшего сопротивления, что у меня нет амбиций ну и так далее. Может быть. Но в моем желании ведь нет ничего плохого?

– Нет ничего плохого. Только хорошее. И вообще, ты сама... очень хорошая. – Андрей взял ее за руку.

Лиза покраснела и совершенно неожиданно спросила:

– А как ты относишься к Ельцину?..

Их свидания были курьезными, немного нелепыми и совсем не соответствовали советам первых глянцевого журналов. Они, политизированные дети своего времени, спорили, ругались, что-то друг другу доказывали, ходили читать «Московские новости» на Пушкинскую площадь и смотрели заседание Верховного Совета. И вот однажды под воинственные крики депутатов свершилось то, что должно было свершиться, когда встречаются юноша и девушка.

– У меня никого еще не было, – сказала Лиза, тщательно закутавшись в простыню.

– Это не причина быть одиноличницей. Поделись простыней, – пробормотал Андрей и ловко стянул с нее хрустящее белое полотно.

– Мама, я выхожу замуж. – Лиза появилась перед Элалией Павловной ровно через полтора года после знакомства с Андреем.

– Не выдумывай. Тебе надо закончить твой «педиатрический», – почти машинально вынесла свой вердикт мать.

– Мам, я и так закончу, – робко спорила Лиза. – Ты же знаешь...

– Я все знаю. Для меня образование, диплом – самое главное. После детей.

Лиза решила посверлить Элалию Павловну взглядом, но та демонстративно крутанулась на рояльном стульчике и заиграла бравурный марш. Лизе пришлось удалиться.

– Мам, я выхожу замуж. – Лиза появилась перед родителями ровно через полтора года после первого объяснения с матерью относительно замужества.

– Что такое?! У тебя еще... – строго произнесла Элалия Павловна.

Лиза вдруг почувствовала себя виноватой, но, взяв себя в руки, твердо произнесла:

– Ты сама говорила, образование, диплом – самое главное. После детей. Выходит, дети – главнее, а поэтому я выхожу замуж. За Андрея. Вы его видели. Ты еще сказала, что он умеет себя вести и весьма неглуп. – Лиза пыталась задобрить мать.

– Ничего я такого не говорила, – отмахнулась та, а потом опомнилась: – Ты – беременна?! Лиза, это же не в кино сходиться! И сейчас в доме столько дел! У меня вторая часть учебника в корректуре...

– Мам, какая связь?!

– Это ты не видишь связи, а я вижу! Мне сейчас некогда... Свадьбу надо устроить...

Лиза не дослушала, развернулась и вышла из комнаты. Она обиделась на мать – все-таки замужество и беременность не каждый день случаются, а корректура... Корректура, судя по всему, у мамы будет еще не одна.

Свадьбы почти не было – Лиза вдруг заупрямилась и на все предложения родителей отвечала отказом. К тому же она заметила принципиальные расхождения между новоявленными родственниками – ее тесть, страшный демократ и вольнодумец, очень тонко пошутил над светскими амбициями Элалии Павловны. Та растерялась – никто до этого не позволял подобных вещей.

– Кроме разговоров в гостиной, у меня еще много других дел, – отреагировала наконец мать Лизы и кивком указала на полку с книгами. Впрочем, время для меткого ответа бы-

ло упущено, а позиция родственников ясно обозначилась.

Лиза сочла за благо избежать торжеств, во время которых могли бы случиться интеллигентные, тихие ссоры.

Молодых переселили в квартиру на «Соколе». Причем Элалия Павловна об этом сообщила так:

– Здесь мало места, мне надо работать, Боре – заниматься. Будете хозяйничать там сами.

Лиза хотела поблагодарить мать, но тут вмешался отец:
– Ребята, я рад, что вы свою жизнь начинаете так, самостоятельно. Мы по углам ютились, а вы живите в свое молодое удовольствие.

Лиза поблагодарила отца. Его слова скрасили честный материнский практицизм. Лиза и Андрей переехали, и очень скоро родилась Ксюша. Они учились, работали, воспитывали дочь, и вот через шесть лет благополучно-спокойной жизни развелись.

Лизе очень повезло – у нее был муж, который осознал, что в семейной жизни счастье дороже истины. А потому в их доме никогда не было жарких споров, долгих обид и унижающей подозрительности. Лиза же была покладиста, правда, эту покладистость украшала изюминка вздорности. Она иногда вредничала, вдруг становилась заносчивой, порой командовала Андреем так, что любой другой мужчина на его месте взбунтовался бы. Но Андрей был мудр... и слегка отстранен от действительности. В его жизни была наука, которая отни-

мала все силы и эмоции. Жenu и дочь он любил, тестя безмерно уважал, тещу невольно доводил своим нарочитым пофигизмом.

– Как ты с ним живешь? Ему же все до лампочки, – опускала до просторечия Элалия Павловна.

– Мам, он просто притворяется. Поверь мне. Ксению он обожает.

Лиза была права – Андрей любил напустить на себя равнодушие, но к жене и дочери относился прекрасно. Впрочем, при всем внимании к домашнему очагу, умом и сердцем Андрей все-таки был в науке.

Иногда Лиза, подогретая матерью, пыталась призвать мужа к эмоциональной активности, но это случалось не очень часто и было не очень серьезно. Лизу вполне устраивала сложившаяся ситуация.

Очень скоро в их семейной жизни наметились две колеи, по которым они и пошли. Причем каждый – по своей. Лиза погрузилась в домашние хлопоты и воспитание дочери, Андрей, помогая по мере сил, большую часть времени пропадал в своей лаборатории. Друзья, которых поначалу было много, потихоньку стали исчезать с домашнего горизонта, Лиза это обстоятельство отметила, но не расстроилась – муж теперь полностью принадлежал ей. Андрея она любила, но эта любовь имела вид несовершенный – какой обычно имеет любовь капризных детей и неопытных женщин. Эта любовь требовала тотальной принадлежности, но не личности, а ме-

сту. Лизе было спокойно, когда муж был дома, но что с мужем делать в эти моменты, она не знала, да, собственно, особенно и не задумывалась. Как ей казалось, все было завоевано – и разум, и сердце, и тело. Как мелкий собственник, она с удовлетворением отмечала фигуру мужа в кресле с вечной книжкой в руках и даже не делала попыток вникнуть в его мир. Ее интересовало наличие, а не суть. Поглощенная новым состоянием – жена, мать, хозяйка дома! – она пренебрегла той связью, которая обеспечивает близость мужа и жены. Если бы Лиза была внимательнее, то очень скоро заметила бы, что, обрывая на полуслове его рассказы о работе в лаборатории, она тут же получала улыбчивого, но молчаливого человека, который все реже и реже делился с ней мыслями.

Нет, Лиза не стала клушей. Она не погрязла в пеленках и консервировании огурцов. Она так же была увлечена своей работой и выполняла ее добросовестно. Читала книги, старалась вытаскивать мужа на премьеры, но она ни разу искренне не поинтересовалась тем, как обстоят дела с его кандидатской, не почувствовала тому, что финансирование его отдела сократилось, не задала ни одного вопроса о его планах. Важная часть жизни Андрея – его научная работа – осталась там, где-то в начале их знакомства, когда о новом человеке интересно что-то узнать, когда для общения нужна информация «с той стороны», когда необходимо понравиться.

– Неужели ты не заметила, что у него роман?! – Подруга Марина всплеснула руками, узнав об их расставании.

– Не заметила. Ну да, он все время по вечерам с кем-то разговаривал. Но речь шла о его делах, о лаборатории, о защите диссертации. Ничего такого, что могло бы насторожить. И отношение ко мне совсем не изменилось, – отвечала Лиза и почти не лукавила.

Их образ жизни никак не изменился, разве что Андрей чаще отлучался в командировки. Но по возвращении был точно такой же, как и обычно, – внимательный, доброжелательный, ласковый. Конечно, если бы Лиза напряглась, она бы вспомнила те самые мелочи, что свидетельствовали о переменах, но ей совершенно не хотелось копаться в прошлом и искать ошибки, которые и привели к этому шагу. Муж больше не делал попыток поговорить о своей работе, пофилософствовать, порассуждать о вещах отвлеченных, не имеющих отношения к повседневной жизни. Сейчас, после ухода Андрея, Лиза могла бы вспомнить все это, но тогда она даже не обратила внимания. Она не обратила внимания на то, что рядом с ней был человек, для которого забота и хлопоты вокруг отлично выглаженной рубашки не так важны, как возможность обсудить исчезновение пяти видов водорослей в дельте Нила. Но Андрей был деликатен, воспитан и имел хороший характер – он не умел ссориться. Когда Лиза совсем «потеряла его из виду», он, не ссорясь и не ругаясь, отдавая должное жене, ушел туда, где его понимали

и слушали.

И все же Лиза научилась многому у собственного мужа – сохранять спокойствие, не ссориться по пустякам, а в ситуациях почти безвыходных оставлять «дверь открытой». «Он ушел, но у нас есть Ксюша, а это значит, что навсегда расстаться у нас не получится», – думала Лиза и не верила, что они смогут стать врагами.

Сейчас, сидя напротив Элалии Павловны и давая отчет о том, как уходил Андрей, Лиза вдруг почувствовала раздражение – как это ни странно, никакой вражды к мужу она не чувствовала, и ей очень не хотелось поддаться настроению матери.

– Мам, что тут говорить. Что случилось, то случилось, и случилось на редкость пристойно... – Лиза посмотрела на мать, но та сидела с хмурым лицом.

– Я терпеть не могу болтовню! Пустую. Что такое «пристойно»?! Ребенок будет расти в неполной семье!

– Ну и что?! Она будет общаться с отцом!

– Это не одно и то же!

Лиза внимательно посмотрела на мать и поняла, что именно сейчас они друг друга не услышат.

– Ты возвращайся домой, наводи порядок, а Ксения несколько дней поживет у нас. Мы ей попробуем объяснить происходящее, – железным тоном приказала Элалия Павловна и добавила: – Через неделю у меня музыкальный фе-

стиваль, помогать с ребенком не смогу.

От матери Лиза вышла в полном расстройстве. Оказывается, она даже не осознавала, какую опасность таит в себе обычный развод. Это и «брошенный ребенок», и «отсутствие денег», и «невозможность личной жизни».

Нет, положительно рано радовалась Лиза, когда благодарилась небо за то, что развод был скорым и спокойным, без воплей и скандалов. Она рано радовалась, что они с Андреем расстались почти по-дружески – оказывается, последствия все равно плачевные. Просто она это не осознала. А вот мама, человек опытный, раскрыла ей глаза. Лиза невидящим взглядом смотрела на спешащую Тверскую и теперь хотела только одного – оказаться дома и поплакать в подушку. Ведь даже плакать теперь ей не положено – «дочь не должна видеть страдающую мать»! Лиза потопталась на месте, представила себе переполненный вагон метро и решила отправиться домой пешком. «Сумасшедшая!» – откликнулся внутренний голос на это ее решение, но Лиза мысленно заткнула ему рот. Она сейчас вот так и пойдет по Тверской, мимо «Маяковки», до «Белорусской», затем у бывшего Второго часового завода перейдет на другую сторону, пройдет мимо парка на «Динамо», минует Подъездный замок, а там, глядишь, уже и «Аэропорт», от которого до «Сокола» совсем близко. Она пойдет по городу и, постепенно успокаиваясь, придумает, как жить дальше. Тем более

что если себя не пугать, то жизнь становится не такой уж и сложной. Лиза застегнула плащ, порадовалась, что на ногах удобные мокасины, и двинулась в путь.

Решение она приняла правильное – где-то между Скаковой аллеей и улицей Марины Расковой Лиза вдруг ощутила легкость в душе и, ни минуты не размышляя, набрала номер бывшего мужа. Тот ответил сразу, и голос его был точно таким же, как вчера, позавчера и третьего дня:

– Привет! Что-то случилось?

Лиза растерялась, а потом неожиданно произнесла:

– Я даже не пойму.

– А ты где? Я сейчас приеду!

– Я на «Динамо».

– А сможешь добраться до Сокола, до пиццерии, куда мы Ксюху водили? Я там буду минут через двадцать.

– Конечно, – ответила Лиза и бросилась к метро. Сердце стучало так, словно она неслась на первое свидание.

В пиццерии было пусто, но уютно. Лиза села за тот же столик, за которым они некоторое время назад праздновали день рождения дочери. Только тогда к тяжелым деревянным стульям были привязаны шарики, а цветной серпантин и смешные гирлянды образовали шатер. Дочь была в полном восторге и от детского меню, и от поздравления толстого шеф-повара в большом белом колпаке.

– Вот и я! – раздалось за ее спиной. Лиза вздрогнула, оглянулась и увидела Андрея.

– Я успела первой! – пошутила она.

– Это потому что на метро ездить удобней, я в пробке застрял.

Она помолчали, перевернули для вида несколько страниц меню и наконец заказали кофе.

– Андрюша, мне страшно. – Лиза пожаловалась бросившему ее мужу, словно он был ее другом или братом.

– Мне тоже не по себе, – кивнул Андрей.

– А тебе-то почему?

– Ну, я тоже лишаяюсь всего привычного...

– Всего лишь привычного?

– Нет, конечно, – спокойно ответил бывший муж, а Лиза отметила, что другой на его месте обязательно бы изобразил обиду.

– И что же делать?

– Сейчас пока ничего. Только постараться понять друг друга.

– Я тебя понимаю. Поэтому ничего и не спрашиваю.

– Ты – удивительная, и это не комплимент, это осознание того прошлого, которое связано с тобой.

– Прошное? – опять не удержалась Лиза.

– Нет, будущее тоже есть, но оно совсем другое. Мне так кажется.

– Какое же?

– Главное, что я хочу тебе сказать, – я буду всегда рядом. В другом качестве, но рядом. В любой момент – набирай мой

телефон. То, что это касается и Ксении, я даже и говорить не считаю нужным.

– А как же там? Там – не будут ревновать?

– Это совсем другое. И, надеюсь, там – поймут. Нет – это уже не моя проблема. Лиза, – Андрей взял ее за руку, – я чувствую вину, но я не стараюсь ее загладить таким благородством. Я просто понимаю, что жить без прошлого невозможно, а потому надо относиться к нему порядочно. Мне это легко, поскольку я поступаю совершенно искренне.

Ты – родной для меня человек. А о родных надо заботиться.

– Так странно, но я тоже не могу на тебя злиться...

– Мы хорошо жили. У нас отличная дочь. Почему мы должны стать врагами? Наше прошлое много весит. И, как балласт, его не скинешь.

– Ты звони мне, ладно?

– Обязательно. А завтра даже приеду. Ксюшу повидать.

– Не получится. Она у мамы. Мне дано несколько дней, чтобы навести порядок в доме, в голове и в чувствах. У меня, как мне дали понять, начинается тяжелая жизнь.

– С чего это?

– Разведенная мать...

– И что?

– Сама не знаю...

– Вот именно. Завтра я заберу Ксению, и мы приедем к тебе. Пойдем куда-нибудь...

– Тебе не страшно будет встретиться с бывшей тещей?

И потом, ты и вправду так все время будешь вести себя? – задала Лиза наивный вопрос.

– Нет, конечно. Все время так не получится. Ведь я работаю, могу быть занятым, могу заболеть... Все время так не получится, но большую часть – да. Это я могу обещать тебе.

Лиза улыбнулась. У Андрея было изумительное качество – он умел обещать и умел сдерживать свои обещания. Она это знала очень хорошо.

– Проводишь меня?

– Спрашиваешь. До самых дверей. А потом еще позвоню, пожелаю спокойной ночи.

– Жаль, сейчас еще светло...

– Почему – жаль?

– Нимб над твоей головой не виден...

Они оба рассмеялись. Так Лиза окончательно поверила в то, что от нее ушел муж, и так она убедилась в том, что жизни после развода пугаться совершенно не стоит.

Работа у Лизы была нервная. Поликлиническое отделение детской больницы обслуживало население близлежащих районов и оказывало консультационные услуги. В последние годы педиатров не хватало, и подчас один врач работал сразу на нескольких участках. Лиза относилась к этому с пониманием – в конце концов, педиатр – это не стоматолог и не косметолог, чьи услуги не только востребованы, но и хорошо

оплачиваются. В педиатрах нуждаются все, но платят им совсем немного, а подработать частной практикой не у всех получается. Вот и Лиза тоже, отработав дежурство и отбегав по вызовам, порой еле держалась на ногах. Правда, в хорошую погоду пройтись по улицам старой Москвы было и приятно, и полезно, но в детском саду ее ждала дочка, а дома – ворох безотлагательной работы. Уставала она сильно, но никому не жаловалась – боялась, что опять начнутся упреки в том, что не пошла заниматься научной работой, что «проворонила» мужа, что «нельзя быть такой безотказной». Лиза действительно охотно подменяла коллег, если те об этом ее просили. Иногда Ксюшу забирали бабушка с дедушкой, в эти «свободные» дни Лиза немного отсыпалась и пыталась впрок наготовить еды – сэкономленное время можно было посвятить дочери. К вечеру такого дня Лиза начинала маяться и звонить матери:

– Ну, я выезжаю за Ксюшей?

На том конце провода слышались веселые голоса деда и внучки, а в трубку строго отвечала Элалия Павловна:

– Ну, что ты будешь выезжать?! Пусть они с дедом сходят еще на Красную площадь, потом мороженого поедят. Кстати, придут Смирнитские, хочу, чтобы Любовь Дмитриевна послушала ее. У ребенка способности к пению.

Лиза пыталась сопротивляться, объяснить, что у нее впереди трудная неделя, времени будет мало и ей лучше сейчас побыть с дочкой, но Элалия Павловна была непреклонна:

– Что она у тебя там будет делать? Ты опять будешь заниматься чем угодно, только не ребенком.

Жизнь Лизы и впрямь стала сложной, но не ужасно-трагичной, как о том предупреждала Элалия Павловна. Бывший муж появлялся часто – он проводил время с дочерью, привозил продукты, иногда оставлял деньги Лизе. На развод они не подавали, словно молча сговорились обойти этот непростой юридический шаг. Элалия Павловна несколько раз спрашивала дочь:

– Я что-то не пойму, уйти – ушел, а довести дело до конца – не хочет?! Боится, что ли?!

– Чего же он может бояться? – удивлялась Лиза.

– Ну, как! Не придется ко двору на новом месте – вернется к тебе. Как на запасной аэродром.

– Ой, мам! – отмахивалась Лиза, а сама потом представляла себе, как Андрей возвращается к ней с сумками, она его долго не пускает, потом ставит условия, а потом, выдержав нужную паузу, объясняется с ним и все прощает. Потом... Дальше Лиза уже не мечтала, поскольку боялась, что мечты заведут слишком далеко. Официального развода Лиза опасалась больше всего. Пока они просто разъехались, и при этом довольно цивилизованно, жила надежда, что совершенные ошибки могут быть исправлены.

– В этих вопросах нужна определенность.

Ты очень скоро это поймешь. Не позволяй себе морочить

голову. Ушел, значит – все! – сердилась Элалия Павловна. Лиза отмалчивалась и каждый раз вздрагивала, когда звонил Андрей. Ей все казалось, что этот самый момент настал и официальный развод неизбежен. Но бывший муж молчал.

Любое расставание, особенно развод – это прежде всего вынужденная праздность одиночества. Только что твоя жизнь состояла из работы, воспитания ребенка, домашних дел. Последние были многообразны, тяжелы и иногда бесполезны. Без них запросто можно было прожить. Твой муж не любил пироги с капустой.

– Ну, съешь хоть кусочек, – приставала ты к нему, уставив все кухонные плоскости тарелками с румяной выпечкой. Приставала, впрочем, не очень настойчиво. Главное, ради чего это все было затеяно, уже свершилось – ты доказала, что ты – отличная хозяйка. Ты упрямо пекла их, потому что тебе нравился процесс, тебе хотелось отвлечься, самоутвердиться, потому что твоя подруга позавчера пекла точно такие, но у тебя они «все равно получаются лучше», и, в конце концов, ты сама их любила и даже съела половинку пирожка. Много нельзя, диета все-таки! Тогда какого черта ты навела огромную кастрюлю квашни?! Ради кого и ради чего?! А так просто! Ты же все-таки замужняя женщина! С уходом мужа все эти «ритуальные танцы» потеряли смысл. И появилось время. Время, которое принадлежало теперь только тебе, а тот, второй, что был рядом с тобой или маячил где-то

на периферии семейной географии, даже символически с тобой его не разделит. Время и душевная праздность – вот самое страшное последствие расставания.

В этой новой жизни Лизу спасала рутина – все те каждодневные дела, которые отнимали уйму времени и сил, точно так же заполняли ее сутки. Бесполезные пироги, пересадка комнатных растений, новые занавески – в этом не было особой необходимости, но она все это делала, не задаваясь вредными вопросами. «Я это делала раньше – я это буду делать и теперь! В моей жизни ничего не поменялось!» – эту фразу Лиза Чердынцева могла бы выбить на своем гербе.

Привычные дела и чувство долга не позволяли ей долго думать о происшедшем и уж очень сильно себя пожалеть. «Все так же, только меньше белья загружаю в стиральную машину и пользуюсь кастрюлями меньшего объема!» – шутила про себя Лиза. Каждое утро она отводила Ксюшу в садик, который находился на полпути к метро, затем доезжала до «Маяковки» и оттуда пешком шла на работу. Там, в глубине, стоял кирпичный двухэтажный корпус детской поликлиники. На вызовы Лиза любила ходить в первой половине дня – когда не было еще усталости, с двух часов она вела прием больных в своем кабинете.

За все это время она ни разу не попыталась выяснить отношения с Андреем. Он звонил, она иногда звонила. Они говорили о дочери, строили планы, немного интересовались делами друг друга. Эти разговоры были частыми, долги-

ми и даже немного странными для расставшихся супругов. В этих разговорах не было обид, намеков, ехидной многозначительности, – всего того, от чего не могут отказаться брошенные женщины. Вряд ли мужчины способны в полной мере это оценить, но почувствовать благодарность они могут. В отношении Андрея к бывшей жене появилась трогательная забота.

В поликлинике Лиза особенно много не общалась. В женском коллективе были популярны разговоры про мужей – вечные жалобы на их лень, необязательность и непостоянство. Лизе все время казалось, что она находится в секте мужененавистниц. «Зачем только они замуж выходили! – удивлялась она про себя. – Меня мой Андрей никогда не раздражал. Я всегда была всем довольна!» В этих ее воспоминаниях о совместной жизни практически не было преувеличения – она никогда не «пилила» мужа, никогда не обсуждала его с подругами и всегда старалась оправдать.

Ее день заканчивался иногда в девять часов – в восемь вечера она еще принимала пациентов. В такие дни дочка, если не находилась у бабушки с дедушкой, дожидалась ее у соседки. Соседка была хорошая, спокойная, к тому же давно заметившая, что Андрей почти не появляется дома.

– Не торопись, я ее и покормлю, и книжки мы с ней прочитаем, – успокаивала соседка Лизу. Та благодарила, но успокаивалась только тогда, когда закрывала за собой дверь и оказывалась с дочкой в своем доме. В эти минуты мир при-

обретал очертания, границы, наполнялся теплом. Им было хорошо вдвоем – в этом уютном пространстве, и казалось, что ничего страшного не случилось и не случится.

На работе о ее семейных неурядицах никто не знал – только когда заведующая отделением из лучших побуждений не поставила ее в график дежурств, Лизе пришлось объясниться.

– Я буду дежурить. Деньги сейчас не помешают. У меня сложная ситуация.

– У вас же дочь маленькая...

– Да, и все-таки мне дежурства нужны...

– Дома проблемы?

– Да.

Этот односложный ответ удовлетворил старую тетку в белом халате, и она включила Лизу в список. Когда Чердынцева уже выходила из кабинета, заведующая произнесла:

– Вам бы организационной работой заниматься, у вас просто талант все успевать и совмещать!

Лиза удивленно посмотрела на заведующую.

– Знаю, знаю... Я знаю все. В том числе и от благодарных пациентов. То есть от их родителей.

Лиза вышла из кабинета с улыбкой. С момента ухода мужа впервые ее похвалили. Пусть за то, что она и так обязана делать. Но похвала была уместная – Лизе покоя не давало чувство вины – мол, такая растяпа, что даже муж сбежал, но продолжает опекать. В Лизином сознании поменялись местами

причины и следствия, а все незначительные повседневные промахи вдруг превратились в повод для самобичевания.

Тот самый день начался так, как иногда начинаются несчастливые дни – с дурного утреннего настроения, капризов ребенка, небольшого опоздания на работу. Когда Лиза влетела в кабинет, отряхивая с зонта дождевые капли, там уже сидела раздраженная женщина с ребенком, а медсестра Валя тянула время, делая вид, что ищет медкарту. Надо было как-то оправдать ожидание посетителей.

– Извините, транспорт, – выпалила Лиза и, вымыв руки, уселась за стол. – Итак, у нас сегодня должны быть готовы анализы...

У Лизы была отличная память, а еще она знала, что результаты лабораторных исследований – это слабое место консультативной поликлиники. Вот и сейчас:

– Елизавета Петровна, вот насчет анализов... – Валя выразительно посмотрела на нее. Лиза очень правильно оценила этот взгляд – медсестра давала понять, что к анализам этих пациентов даже и не приступали.

– Так они и не могут быть готовы! Нам отказали. Сказали, чтобы мы явились только через две недели, – возмутилась мама ребенка.

– Да, да! Мы знаем, что есть проблема – все анализы делаются в общей больничной лаборатории. А там приоритет у госпитализированных детей.

– И что же делать?! Вы же знаете – нам надо возвращаться домой, а на консультации уролога еще не были! Мы же не можем ждать бесконечно.

Пациенты были из Твери.

Лиза все отлично знала – было подозрение, что у девочки пиелонефрит. Требовалась госпитализация, но для это надо было пройти амбулаторное обследование, куда входил большой список анализов. Подобная ситуация повторялась по несколько раз в месяц, и Лиза, на которую в первую очередь обрушивался и гнев, и отчаяние родителей, только разводила руками. Она не могла, не имела права отправить этих людей на платные исследования в коммерческие учреждения.

– Послушайте, я с вашим вопросом схожу к заведующей. Я вам обещаю. Если хотите, то прямо сейчас, а вы подождете меня в коридоре. Я попробую с ней поговорить, может, вне очереди сделают...

– Да, я хочу. Я буду ждать, только сделайте что-нибудь.

Лиза собрала в охапку бумаги, и они направились к заведующей.

– Людмила Ивановна, у нас все та же проблема. Но у девочки, похоже, пиелонефрит. Направление на анализы выданы, но вызовут их только недели через две. Им придется опять приезжать. Они – не москвичи.

– Елизавета Петровна, успокойтесь.

– Вам легко говорить, а я постоянно вижу этих людей.

Я их понимаю: представляете, сколько стоят платные анализы. А им их надо сделать не меньше восьми.

– Я все знаю не хуже вас, но что делать, если мы вынуждены пользоваться больничной лабораторией! Что мы можем поделать?!

– Я не знаю. – Лиза развела руками. – Но, в конце концов, надо поставить вопрос о том, чтобы нам позволили оборудовать свою. Если мы будем молчать, то вопрос не решится никогда!

– А кто вам сказал, уважаемая Елизавета Петровна, что мы молчим? Я, к вашему сведению, уже пять писем написала на имя коммерческого директора.

– А почему коммерческого?

– Потому что это самый короткий путь – ведь у нас в консультативном отделении есть платные пациенты. Значит, мы тоже зарабатываем деньги. Следовательно, можем просить их на наше же развитие.

– Да, но тогда и анализы у нас, возможно, будут платными. Если так рассуждать.

– Думаю, логичнее было бы сделать квоту на платные. Чтобы вернуть затраты и что-то зарабатывать. Но в основном делать лабораторные исследования бесплатно.

– И что вам отвечают?

– Почти ничего, пока только невнятные обещания.

– Но что-то же делать надо!

– Что?

– Можно привлечь спонсоров. Среди наших пациентов есть люди солидные.

– Надо прежде всего знать смету. А ее не спешат сделать в нашем коммерческом отделе.

– Я вас поняла. Но можно все-таки с этой девочкой решить вопрос?

– Давайте ее карту.

Лиза положила на стол заведующей поликлиники бумаги.

– Спасибо. И все же, Людмила Ивановна, может быть, еще раз к коммерческому обратиться?

– Не знаю...

В этот вечер Лиза позвонила бывшей однокурснице, которая когда-то работала в лаборатории. После приветствий и неизбежных «Сто лет не виделись!» и «Как ты?» Лиза приступила к самому главному:

– Ты ведь когда-то занималась организацией лаборатории? Подскажи, как это делается?

– Что именно тебя интересует?

– Сколько это стоит? Не шикарную организовать, а стандартную, для обычного набора исследований.

– Ну, я занималась этим давно, тогда и оборудование было другое. И цены другие.

– И все же? Хоть какие-то общие параметры, общие требования есть же? Понимаешь, нам позарез нужна такая, но коммерческий тянет. А люди-то к нам идут, иногда сроч-

но надо получить исследования, а приходится ждать.

– А платно?

– Сама знаешь, кто к нам иногда приезжает. И потом, иногда общим анализом крови ограничиться нельзя.

– Да, знаю...

Подруга задумалась, а потом произнесла:

– Дай мне время до завтра, до вечера. Я тут одному человеку позвоню, если он в Москве, то поможет, даже будет рад, что к нему обратились. Если же его в Москве нет, то придется повременить. Он уезжает надолго...

– Ира, пожалуйста, сделай что-нибудь! Я буду ждать твоего звонка...

– Хорошо.

Лиза положила трубку. В кресле было удобно, уютно. Мягкий желтый свет делал комнату меньше, а потолок ниже. Казалось, Лиза находилась в маленькой золоченой табакерке – золотистые шторы, такие же, только матовые обои, светло-коричневый плед, упавший на пол, – все было теплое, согревающее. Из соседней комнаты доносился голос дочери – она воспитывала кукол.

«И чем же плоха такая жизнь?! И чем плох развод?! Я сижу в чистой квартире, у меня порядок на кухне, я не мечусь как угорелая между холодильником и плитой, ожидая голодного мужа. Нам с Ксенией хорошо». Лиза мысленно перебирала короткие фразы, словно отщелкивала бусинами четок. Она, конечно, знала, чем плохо – плохо, что не с кем

обменяться вечером новостями, не с кем допоздна пить чай на кухне, не с кем лечь в постель, не к кому притулиться, прижаться и, тихо вздохнув, окунуться в ласковый сон. Лиза знала, что «плохое» потихоньку подбирается к ней, заслоняя «интеллигентный» разъезд и сохраненные дружеские отношения. На жизненных весах постепенно оказывалось личное одиночество, и оно становилось все более тяжелым.

Ира позвонила на следующий вечер.

– Лиза, пиши телефон и адрес! – Однокурсница скороговоркой продиктовала информацию, из которой было понятно, что все данные можно получить у какого-то господина Бойко. Звали его Тихон.

– А у него отчество есть? – перебила подругу Лиза.

– Наверное, есть, – на секунду опешила Ира. – Ну, конечно, есть, просто для меня он – Тихон. Отца его звали, если мне не изменяет память, Михаил Тихонович. Значит, Тихон Михайлович!

– Какие имена...

– Ну да, у них это наблюдалось. Брат, младший, вообще Клим.

– О господи! И как мальчик с этим жил?

– Нормально. А что? Клим Бойко. Звучит даже.

– Слушай, Ира, а почему он заинтересован в решении этого вопроса. И почему он мне обязательно поможет?

– Я не сказала – «обязательно поможет»! Я сказала, что он будет рад помочь. Чердынцева, ты настырна и упряма, а по-

тому приложи все усилия, и результат, может, будет положительный. Этот самый Тихон – владелец фирмы, которая готовыми комплексами поставляет медицинское оборудование. Вот так все просто. Ты, со своей лабораторией, выгодный клиент. Он тебе и смету даст, ну, с учетом его коммерческих интересов. Кстати, не ищи там дешевое оборудование. Но можешь намекнуть на ограниченность бюджета. Он войдет в положение.

– Спасибо тебе, Ирка! Попробуем пробить наш коммерческий отдел.

– Пробуй. Игра стоит свеч.

Господину Бойко Лиза позвонила по дороге к метро.

– Здравствуйте, к вам можно приехать – переговорить?

– Доброе утро, можно, конечно. – Голос на том конце провода был приятен, хотя в первые минуты господин Бойко явно не понимал, с кем разговаривает. Только после того, как Лиза произнесла фамилию Иры, собеседник радостно откликнулся:

– Да, да, она меня предупредила. Как вам удобно будет – встретиться у нас, в офисе, или мне к вам приехать?

«Ого! Как там Ирка сказала: «Ты – выгодный клиент!» – подумала про себя Лиза и уже было хотела спросить адрес, как вдруг сообразила, что у нее не самый приличный вид для подобных встреч.

– Простите, Тихон Михайлович, а можно мне завтра к вам приехать? Сегодня много больных на приеме, мне будет

сложно отлучиться. А в поликлинике не очень удобно разговаривать.

– О, я вас понимаю! – На том конце провода с чувством вздохнули. – Конечно, как вам будет удобно. Завтра так завтра. Жду вашего звонка.

– Спасибо, договорились. – Лиза спрятала телефон в сумку. «Да, конечно, хорошо бы по горячим следам, сегодня, но...» Она посмотрела на свои ноги. Для осеннего сухого, но прохладного дня Лиза была одета слишком легко. Свои единственные приличные осенние сапоги она, получив зарплату, наконец отнесла в ремонт. Ходить в них было уже совершенно невозможно – вместо каблучков были покосившиеся столбики. Новые сапоги Лиза купить не могла – дочери нужен был комбинезон, зимняя обувь. Еще надо было заплатить логопеду: в последний год перед школой приходилось посещать занятия – дочь не выговаривала три звука. Хорошо, что врач была знакомая, деньги брала символические, но Лиза и так уже ей задолжала.

Вообще, финансовое положение брошенной женщины с ребенком было тяжелое, но не трагичное. На необходимые продукты, транспорт, коммунальные услуги денег хватало. Хватало на всякие платные занятия Ксюши, но вот на некоторую роскошь денег уже не было. Красивые сапоги, итальянская курточка, которую продавала знакомая в поликлинике, шерстяное платье – все эти покупки, такие обычные в прошлые годы, сейчас были не по карману. Все-таки Лиза

с дочкой жили на одну зарплату. Андрей деньгами помогал, но Лиза боялась их трогать. Теперь, когда она все яснее представляла, что такое одиночество, первым ее желанием было накопить. Накопить на тот случай, если в их с Ксюшей жизни случится непредвиденное. Кстати, из всего, что в качестве устрашения было перечислено Элалией Павловной, именно этот страх, страх форсмажора, страх несчастного случая, был самый мучительный. «А вдруг я заболею! Что станет с Ксенией?» – спрашивала Лиза иногда себя, и хотя отлично понимала, что и родители, и Андрей, и даже брат Борька – все близкие ей люди выручат, поддержат, «подхватят» дочку, все равно боялась. Именно поэтому все деньги, которые давал ей Андрей, она аккуратно берегла и ни при каких обстоятельствах не тратила. Так и с этими злополучными сапогами. «Придется завтра поехать в старых. Ничего, не свидание!» – успокоила себя Лиза, но настроение было слегка подпорчено. Благородное дело хотелось делать в элегантном костюме.

На следующий день Лиза, поменявшаяся дежурством, с самого раннего утра вертелась перед зеркалом. Старые сапоги были отлично начищены и выглядели вполне прилично. Строгий классический костюм, который висел в шкафу года три, Лиза отвергла с самого начала. «Старая дева! Мышь. Пыльная и скучная. Зануда. Тоска», – сказала она, глядя на свое отражение. К тому же лацканы пиджака от долгого висения на плечиках несколько изогнулись и стали похо-

жи на острые уши. «И что же надеть?» Лиза вдруг поняла, что не готова к публичной жизни. Ее скудный гардероб был добротен, скромен, но обновлялся достаточно давно. На работе все было скрыто под белым халатом, дома и на прогулке с ребенком она обходилась джинсами, футболками и толстовками. «Господи, да как же я ходила во всем этом?! – Лиза в отчаянии заглянула в шкаф. – Может, поэтому Андрей и ушел? Я же за собой совершенно не следила!» Она вытащила еще одно старое платье, с минуту его разглядывала, а потом, взглянув на часы, махнула рукой и стала одеваться. «В конце концов, я по делу еду. А вечером надо будет внимательно разобрать гардероб. Старье выкинуть и подумать, что купить. Чтобы на все случаи жизни было... Вот только купить смогу не скоро». Лиза слегка подкрасила глаза и посмотрела на себя в зеркало. В зеркале отражалась высокая молодая женщина, которая старательно втягивала живот – трикотажное платье облегло фигуру. «О боже!» – пробормотала Лиза, накинула плащ и выскочила из дома.

Представительство известной фирмы, которая занималась поставками медицинского оборудования, находилось в высоченном здании, облицованном тонированным стеклом. Внизу милая девушка поинтересовалась у Лизы, куда она идет, посмотрела какие-то бумаги и выдала пропуск, который посоветовала пристегнуть к одежде или сумке.

– Вам на восемнадцатый этаж.

Лиза миновала турникет и подошла к лифтам – огром-

ные и бесшумные, они открывали свои вертикальные пасти, выпуская и выпуская стаи оживленных и очень уверенных в себе людей. Девушки были на высоких каблуках, в дорогих костюмах, мужчины имели вид исключительно элегантный и деловой. Лиза оробела – свой светлый плащ снимать ей совершенно не хотелось. Трикотажное платье цвета бордо, в маленьких катышках, сейчас показалось ей просто убийственно бедным и пошлым.

– Вы восемнадцатый нажимали? – Кто-то в лифте обратился к ней.

– Да, спасибо. – Лиза вышла из лифта и очутилась в просторной приемной.

– Слушаю вас. – Девушка за высоким секретарским столом приветливо улыбнулась.

– Я договаривалась с Тихоном Михайловичем.

– Ах, так вы Чердынцева?! – Девушка подскочила так, что кресло на колесиках отъехало в сторону. – Вас ждут! Давайте я вам помогу раздеться.

– Нет, спасибо, я думаю, ненадолго... – Лиза попыталась плотнее запахнуть плащ.

– Что вы – у нас так тепло! Вам будет неудобно. – Девушка уже держала наготове плечики, и Лизе ничего не оставалось, как раздеться. Если секретарь и обратила внимание на платье цвета бордо, то виду не подала. Лиза же, пытаясь принять независимый вид, оглянулась по сторонам.

– Пойдемте, вас ждут в переговорной. – Девушка показала

рукой в сторону большой стеклянной двери.

Лиза поспешила за секретарем.

Переговоры имеют неожиданный успех в том случае, если одна из сторон внезапно проникнется жалостью к другой. Мужчина, который встретил Лизу в переговорной, совершенно не заметил тесного старого платья, не разглядел чуть разношенные сапоги и даже не обратил внимания на то, что посетительница старается засунуть свою сумку куда-то под стол. (Лизе только здесь бросились в глаза «каляки-малыки», которые шариковой ручкой нарисовала дочь на светло-коричневой коже.) Как мужчина, он не заметил многоговорящих деталей, но ощутил скованность и робость посетительницы. И ему стало ее жаль.

– Послушайте, Елизавета Петровна, давайте попросим сварить нам кофе, а сами потихоньку разберемся в вашей проблеме.

– Давайте, – кивнула Лиза.

– Вот и отлично. Значит, вам нужна лаборатория?

– Она нужна консультационной поликлинике... Понимаете, мы относимся к детской больнице и всю диагностику, кроме первичной врачебной, проводим на ее базе. Но анализы – это и первейшее средство при постановке диагноза, и для профилактики многих заболеваний тоже вещь необходимая. А у нас получается, что наши пациенты должны ждать своей очереди в больничной лаборатории,

а там, как известно, приоритет у госпитализированных детей. Но это и понятно, – Лиза, вдруг почувствовав себя свободно, четко изложила проблему.

– Понимаю, – собеседник кивнул головой.

– Мы пытались, вернее, наша заведующая написала несколько писем, даже разговаривать ходила, но как-то с места дело не сдвинулось. Хотя для больницы оно тоже может быть выгодным – мы же сможем делать и платные исследования.

– Очень часто в таких случаях все платными и заканчивается, – заметил Бойко.

– Да, знаю, но можно постараться проследить за этим. Во всяком случае, пока лаборатории нет, и опасаться нечего, только того, что бедные дети ждут простейших анализов неделями.

– Да, задача. – Тихон Бойко покачал головой. В глубине души уже шевелилось разочарование. Крупным заказом здесь не пахнет, но и оставлять так дело нельзя. В конце концов, и небольшие клиенты нужны. А потом эта женщина явно беспокоится о деле.

– Скажите, а у вас коммерческим директором не Калужный ли Леонид Степанович?

– Он самый. Но я к нему не вхожа. Наша заведующая принимает огонь на себя. А мы все больше от пациентов отбиваемся.

– Так. Я понял. У меня есть предложение.

Я в течение нескольких дней составлю две сметы. Одну побольше, другую поменьше. Чтобы был выбор у вашего коммерческого. Все данные заблаговременно я перешлю вам на имейл. Вы мне его дадите. Вы сами должны будете сделать расчет исходя из моих данных. Основные параметры – расходы на закупку, монтаж оборудования, коммерческая выгода. Отдельной графой – бесплатные исследования. Чтобы было понятно – зачем, с точки зрения экономики, мы это все городим. С точки зрения клятвы Гиппократа, это и так понятно. Договорились?

– Договорились, – кивнула Лиза, хотя даже не представляла, как это она все сделает. Ничего сложнее калькуляции домашних расходов она не составляла. – Да, я обязательно это сделаю, – еще раз подтвердила она. – Вот моя почта. Я буду ждать от вас информации.

– Отлично. Когда будет все готово, мы с вами встретимся у вашего Калюжного.

– Он меня слушать не будет, – рассмеялась Лиза.

– Будет. Это я вам обещаю. А со своей заведующей вы как-нибудь договоритесь. Чтобы она вас не ревновала.

– Она – не будет, она его тоже боится!

– И зря. К нему надо подход найти. Чем и займемся с вами на следующей неделе.

– Спасибо вам. – Лиза встала.

– Это вам спасибо. Вы ввязываетесь в борьбу, не имея никаких личных интересов, кроме профессиональной добро-

совестности.

– Ну, это вы уже слишком. Просто так будет удобней работать. И мне в том числе.

– Ну, можно и так сказать.

Лиза поднялась, подхватила свою сумку и неожиданно рассмеялась:

– Вот полюбуйтесь, что делает моя дочь с хорошими вещами. – Она указала на испачканную сумку. – И я заметила это только здесь, в вашей приемной.

– Я таким вещам совсем не удивляюсь. Моя дочь упрямо раскрашивала мои галстуки акварельными красками. Я только понять не мог, зачем? Они и так яркие.

– Акварель хорошо смывается содовым раствором, – со знанием дела заметила Лиза.

– Да? Жаль, не знал раньше. А так половину пришлось на помойку снести.

Лиза улыбнулась. В этот самый момент в переговорной вдруг опять появилось напряжение. Словно ее провожают, а она не уходит, и хозяин не знает, что бы сказать еще. Чтобы было понятно, что разговор окончен.

– Ой, я вас своими советами отвлекаю. – Лиза махнула рукой и вышла в приемную. Тихон Бойко поспешил за ней.

– Давайте я вам помогу. – Он подхватил плащ, помог ей надеть его и расплылся в улыбке.

В лифте, который бесшумно кинулся вниз, Лиза перевела дух. Напряжение, которое ее держало в узде, отступило,

и теперь она анализировала только что закончившийся разговор. «Рассказала я все точно. Вела себя спокойно. Ничего не преувеличила, даже подчеркнула, что главная здесь не я, а заведующая!» Лиза очень была щепетильна в вопросах субординации. Она не помнила, как вышла из этого огромного здания, как шла по широкому проспекту. Энергия успешно проведенной встречи, которая пришла на смену стеснительности и сомнениям, придала ей силы. Лиза только удивлялась, что, проработав столько времени с людьми, не приобрела уверенности. «Да, но что я буду делать с этим самым расчетом?! Господи, надо было признаться, что я никогда не занималась ничем подобным! Ладно, получу от него информацию, тогда и буду беспокоиться», – успокоила она себя.

Приехав в поликлинику, Лиза поспешила к заведующей.

– Людмила Ивановна! Я кое-что узнала. Вернее, встречалась с человеком, который может нам оборудовать лабораторию. Это очень известная немецкая фирма. Они имеют представительство в Москве. Вот там я и была сегодня.

Людмила Ивановна посмотрела на нее с усмешкой:

– Елизавета Петровна, еще есть швейцарцы, поляки и китайцы. Которые поставляют точно такое же оборудование и производят его монтаж. А можно купить по отдельности. Но там надо считать, что выгоднее. Голубчик, вы не понимаете, дело не в том, что некому нам поставить оборудование, а в том, что нет денег и разрешения на эту деятельность. Через голову администрации мы не перескочим.

– Я знаю, но я была у человека, который утверждает, что в конце концов Калюжный согласится. Он сам устроит этот разговор. А пока надо ждать от него смету. И свою подготовить.

– Вы что, смеетесь?! – Людмила Ивановна возмущенно посмотрела на Лизу. – Где мы экономиста найдем, который выполнит всю эту работу?!

– Думаю, экономист там не нужен. Там нужны исходные цифры, немного смекалки, калькулятор и белая бумага, чтобы это все красиво распечатать. Как меня сегодня заверили, ничего сложного.

– Вот и займитесь, раз ничего сложного. Только в свободное от работы время, а то сегодня Васильчикова за вас работала полдня.

– Я знаю, мы с ней договорились. А завтра я пойду по ее вызовам.

– Ну да. – В голосе премудрой заведующей послышалась ирония. – Лиза, я вас очень хорошо понимаю, но имейте в виду, что иногда такой энтузиазм ничем не заканчивается и никак не вознаграждается. Просто чтобы потом не было разочарования, усталости и неожиданных выводов, что все бессмысленно.

– Я знаю об этом, Людмила Ивановна. Но, мне кажется, что задача не самая сложная. Ну, не получится, хоть будем понимать, что сделали все возможное.

– Как знаете. К этому Калюжному пойдете сами. Я при-

крою, если что, и дам объяснение, почему именно вы занимаетесь у нас этим вопросом.

– Хорошо. – Лиза была удивлена тем, как гладко решился вопрос с субординацией.

– Вот и отлично! Теперь идите, пообедайте.

– Мама, как у тебя со временем?! Можно ли Ксюшу к тебе на пару дней? – Лиза звонила Элалии Павловне.

– У меня нет времени. И никогда его не было. Я очень занятой человек.

– Мам, знаю, но речь идет о ближайших днях, а не вообще. – Лиза была терпелива.

– Не могу сказать.

– Хорошо, я поняла.

– Боюсь, ничего ты не поняла! Ты привыкла работать от и до! У меня ненормированный рабочий день. Лекции каждый день, потом у меня будет съемка на телевидении. Я должна подготовиться. И отдохнуть, чтобы выглядеть нормально.

– Мам, поздравляю тебя со съемкой. Какой канал приглашает?

– Поздравить можно. Только никто не спросит, откуда я силы беру, – все забывают, что Борис тоже требует внимания.

– Так пусть отселится! Не вечно же под боком у мамы жить.

– Не вечно, но пусть пока живет.

– Тогда не жалуйся, мам. – Лиза чувствовала раздражение. Разговор с матерью привычно перерастал в перепалку. Причем пустую, бессмысленную. Из которой очередной раз можно было только почерпнуть информацию, о том, что самый работающий человек в семье Чердынцевых – Элалия Павловна. Лиза раздражалась еще и оттого, что про очевидные заслуги отца как бы забывали – вроде как и не он лауреат высокой государственной награды, и не благодаря ему у семьи есть огромная дача в престижном месте, и не Петр Васильевич принимал участие во всех крупных международных конференциях, посвященных проблемам космоса. Сейчас, когда секретность с оборонного предприятия, где он работал, сняли и он спокойно трудился преподавателем в МФТИ, в семье он стал «числиться» обычным «учителем».

– Я тебе, Петя, завидую! – любила повторять Элалия Павловна мужу. – Свои лекции отчитал – и домой на диван. Или к телевизору. Я же как белка в колесе. И преподавание, и книги, и учебники, и телевидение.

Петр Васильевич не обижался, только разводил руками:

– Дорогая, ну, за тобой мне не угнаться!

Элалия Павловна удовлетворенно кивала, но соглашательская позиция мужа ее только раззадоривала, а потому она продолжала:

– Почему вы, мужчины, довольствуетесь малым?

– Мама, ведь предприятие отца закрыли. Он же не может

там оставаться работать!

– Так открыли другие учреждения этой направленности. Туда надо было попробовать устроиться! Оправдание собственной лени найти можно всегда.

Если Лиза слышала подобные речи, она всегда заступалась за отца, чем вызывала раздражение матери:

– Ты вся в него. Тебе надо было остановиться на самом легком и примитивном – «от и до» в кабинете.

– Ну, детей лечить тоже кто-то должен. И потом, я рада, что характером в отца, – огрызалась Лиза.

Но все эти пикировки стали уже привычными и даже особо не портили отношения между родными, исключая ситуаций вроде сегодняшней. Лиза никак не могла взять в толк, почему в ответ на ту или иную просьбу мать не может просто спокойно отказать. Зачем надо простейший диалог превращать во вздорный спор, с переходом на личности.

– Мама, я поняла, ты занята. Все, пока! – Лиза положила трубку. «В конце концов, уложу дочку спать и засяду за эти расчеты». Она собрала сумку, сняла халат, устало посмотрела в окно. Недалеко был зоопарк, место, куда они с Андреем любили водить дочь. Впрочем, к животным у Ксюши особого любопытства не было, все окружающее она воспринимала как антураж веселого времяпрепровождения с родителями. Лиза вздохнула, вспоминая, как Андрей с дочкой ели булочки – по очереди надкусывая с разных сторон. «Ну, она-то в чем виновата?!» – неожиданно подумала Лиза, и впервые

за все это время развод предстал перед ней таким, каким видели его ее родители. Он предстал ударом и предательством по отношению к дочери. «Как удобно – вежливо расстаться, спокойно разговаривать, приезжать в дом, который покинул как ни в чем не бывало. Сдается мне, что быть интеллигентным, выдержанным и вежливым человеком – очень удобно. И практично!» Лиза с грохотом захлопнула дверь кабинета и повернула ключ.

На улице были уже сумерки. Она нащупала единый проездной в кармане, проверила, закрыта ли сумка, и в этот момент раздался телефонный звонок. «Это мама», – подумала Лиза и не ошиблась.

– Отец выехал к тебе за Ксенией. Только учти, на два дня, не больше. – Мамин голос был так же строг. – Уж не знаю, для чего там они тебе нужны.

Лиза съязвила:

– Для секса, мама, для секса.

В доме Чердынцевых можно было говорить о любви, но о сексе предпочитали помалкивать. Эта сторона жизни считалась, по разумению Элалии Павловны, чем-то зыбким, спорным и не совсем приличным. Когда Лиза пошла в медицинский, ей пришлось учебники по анатомии прятать в стол. Мама раздражалась от одного вида голого тела. Сейчас Лиза не удержалась от язвительности, поскольку уже смирилась с тем, что придется работать ночью, когда заснет дочь, и с тем, что мама ничего просто так, со словами одобрения,

не делает.

– Мама, зря он выехал. Мне уже помощь не нужна. Я все уже устроила.

– Что значит – зря?! Ты соображаешь, он по самым пробкам поехал...

– А зачем, если только час назад ты сказала, что тебе некогда заниматься Ксенией?!

– Ну, не могу же я допустить, чтобы ребенок оказался в компании...

– Мам, разговор закончен. Ксения будет дома, а я сейчас позвоню папе. Ты должна была сначала позвонить мне.

– Что же у тебя за характер?! Все назло делать!

– Это у меня – характер?! – Лиза просто задохнулась. Она получила отказ, выслушала нравоучение, решила, что справится сама. А теперь еще и виновата.

Добравшись до дома, она увидела отца. Петр Васильевич, забрав внучку из садика, сидел с Ксюшей в сквере.

– Пап, можно не забирать Ксюшу, я справлюсь. Мне надо поработать, а я никогда такого еще не делала. Завтра же дежурство опять.

– Ничего, я побуду с ней. У меня почти нет лекций.

– Но мама сказала...

– Ты же знаешь маму.

– Знаю. – Лиза поднялась на цыпочки и поцеловала отца. –

Спасибо.

– Не за что. Будем тебе звонить.

Когда машина отъехала, опять раздался телефонный звонок. «Господи, это наверняка опять мама!» Лиза, не глядя, нажала кнопку и раздраженно ответила:

– Мама, они уже уехали. Но никакой необходимости в этом не было. Я все отлично бы устроила...

– Гм, извините, Елизавета Петровна, это – Тихон Михайлович. Я вам отправил два документа. Посмотрите их и сделайте свой по образу и подобию. Но цифры возьмите из прайс-листа. Он будет в отдельном письме. Как все делаете – звоните, и встречаемся у Калюжного. И запомните – ваш документ должен быть коротким!

– Господи, извините! У меня сегодня день семейных неувязок. Я вас поняла, спасибо, сегодня-завтра все посчитаю. Но насколько лаконичным должен быть мой документ?

– Настолько, чтобы я смог заставить Калюжного просмотреть его при мне. Это самый главный момент!

– Я поняла и постараюсь.

– Вот и отлично. До связи.

Тихон Михайлович бархатно рассмеялся в трубку, и потом слышались гудки.

Глава 2

Когда Лиза распечатала все документы, то получилась солидная папка. Устроившись за письменным столом, она аккуратно разложила все по стопочкам и принялась изучать. Цифр было много, названий тоже, описание оборудования занимало около двадцати страниц. Лиза прилежно все прочитала, на отдельном листе делая пометки. В самую последнюю очередь она приступила к изучению сметы, которую прислал Бойко. Документ был составлен просто, так чтобы потенциальный покупатель не раздражался от множества ненужных цифр и названий. «Молодец! Даже я, которая почти ничего в этом не понимаю, разобралась», – одобрительно подумала Лиза. Затем она посмотрела вторую смету, которая описывала лабораторию более мощную и многофункциональную, но пришла к выводу, что господина Калюжного не стоит пугать такими затратами. «Мы можем обойтись и минимумом», – подумала Лиза, вернувшись к первому варианту. Теперь, когда она вошла в курс дела, когда все эти стопки бумаг перестали ее пугать, можно было попробовать составить документ «с человеческим лицом», как она про себя его назвала. Лиза прекрасно понимала, что, заявись она в кабинет Калюжного со всеми этими цифрами, в лучшем случае получит односложный отказ. В худшем – навлечет гнев администрации на все консультативное отделение.

ние, и к тому же доброхоты не преминут высказать мысль о материальной заинтересованности активистов. Именно последнего Лиза боялась больше всего. Она отлично понимала, что «отмыться» будет крайне сложно. «Надо написать такую бумагу, в которой присутствовали бы аргументы экономического плана, гуманистического и статусного. Именно последние могут повлиять на решение коммерческого директора. Ему ведь должно быть важно, что в подведомственном ему заведении ведется работа по современному оснащению лечебных структур. А потом в качестве примера представить небольшой расчет. Такой, чтобы не испугать, а показать, что солидная инициатива может стоить совсем недорого!» Лиза с минуту задумчиво посмотрела на монитор, а потом стала печатать.

Работу она закончила, когда за окном зарозовело утро. Лиза распечатала текст, откопала в недрах стола калькулятор, зевая, еще раз пересчитала все столбики цифр и, довольная собой, завела будильник. Ей не нужно было спешить к девяти утра, ее прием начинался в двенадцать, и можно было поспать несколько часов.

– Вы все сделали?! – В голосе Тихона Бойко звучало восхищение.

«Я – выгодный клиент!» – мысленно напомнила себе Лиза и все же довольно заметила:

– Ну, я целый вечер работала и... ночь. Мне кажется, надо

поскорее к Калюжному идти.

– К нему на прием сложно попасть?

– Вам? Или мне?

– Вам. – Тихон рассмеялся. – Мне-то просто. Мы же знакомы.

– Ну, думаю, не очень. Главное, чтобы он был на месте.

– Вот и отлично. Я сейчас ему позвоню и договорюсь на три часа дня. А потом вы организовывайте встречу примерно в это же время. Договорились?

– Договорились. – Лиза бросилась звонить заведующей.

– Людмила Ивановна, я готова к разговору с коммерческим. Можно договориться с ним о встрече?

– Для чего?

– Я ему смету отдам. Я тут целую поэму написала. И о традициях нашего лечебного учреждения, и о прогрессе, и о заботе о материнстве и детстве, и о задачах здравоохранения.

– Лиза, вы думаете, это поможет?! – Скепсис так и лился из трубки.

– Я не знаю. – Лиза покачала головой, словно отгоняя негатив.

– Хорошо, я сейчас вам перезвоню.

– Жду. – Лиза бросила трубку и помчалась в душ. Усталость и сонливость куда-то исчезли, появилось предчувствие удачи. «Вот будет хорошо, если это получится. А почему оно не должно получиться? Я сделала все правильно, и этот самый Бойко поможет. Ему это тоже выгодно!» Лиза насухо

растерлась жестким полотенцем, наскоро намазала кремом лицо, подкрасила глаза и выскочила из ванной – телефон, который она оставила у компьютера, выходил из себя.

– Да, я слушаю?

– Я вам звонила раз пять! – возмущенно прокричала заведующая.

– Я в ванной была, собиралась.

– Тогда поторапливайтесь. Он будет ждать вас в четырнадцать тридцать. Но до этого вы должны быть на приеме. Это – все-таки важнее!

– Да, конечно! Все, бегу! – прокричала Лиза.

Леонид Степанович Калюжный находился на своем месте. Более подходящей кандидатуры на должность главы коммерческого отдела и придумать было нельзя. Большой, седовласый, занимающий всегда много пространства, он в то же время производил впечатление цепкого, подвижного, не ленивого человека. Он успевал везде и везде сразу же видел экономическую составляющую. Так большой филин издали чувствует добычу. Леонид Степанович любил прогресс, оценивая его прежде всего как средство извлечения прибыли. Единственное, что терпеть не мог Калюжный, так это безответственность. А она ему чудилась везде и во всем. И если он и медлил с решением вопроса, то только потому, что до конца не был уверен в том, что предлагаемое дело продумано достаточно тщательно. Именно эта въедливость и бросалась

в глаза, и именно она создала ему репутацию неповоротливого ретрограда.

Лиза по-настоящему испугалась своей затее, когда вошла в кабинет Калюжного. «Я – дура. Мне казалось, что самое страшное – написать и посчитать. Но самое страшное – отвечать за это. Самое страшное – нести ответственность за каждую строчку, каждую цифру. Они, конечно, всё проверят, всё пересчитают, но эти документы принесла я, и с меня спросят за них. Калюжный прав. Надо семь раз отмерить и не резать, а продумать все детали еще раз...» Лиза думала о том, что вчера даже не приходило в голову, а вот теперь, этом кабинете, под взглядом насупленного начальника стало очевидным.

– Что это? – Калюжный указал на папку.

– Это предложение по организации лаборатории при консультативной поликлинике. Небольшая вводная часть. И расчеты.

– Кто их делал?

– Я.

– От чего вы отталкивались?

– Я изучила предложения нескольких зарубежных фирм, представительства которых находятся в Москве. Но выбрала наиболее приемлемое.

– А с вашей точки зрения, приемлемое – это что?

– Невысокая стоимость оборудования. Сжатые сроки поставок и монтажа.

– Вы у нас – кто?

– Педиатр. Понимаете, Леонид Степанович, я каждый день сталкиваюсь с проблемой лабораторных анализов. К нам же приезжают издалека. А очередь в лабораторию при больнице большая.

– Да, знаю я это. Конечно, это надо сделать, но...

– Простите, посмотрите это. Я постаралась все очень кратко описать.

– Оставляйте. Я сегодня же посмотрю.

– А как мы ответ узнаем? И когда?

– Не знаю. Как примем решение. Не торопитесь. Потратить деньги – это не самое сложное.

Лиза вышла из кабинета и тут же увидела Тихона Бойко.

– О, вы уже переговорили. – Бойко оставил в покое секретаршу коммерческого, которой рассказывал какую-то веселую историю.

– Да, только не знаю, на долго ли затянется обдумывание.

– Вы не уходите. Ждите меня здесь. В приемной. Катенька вас чаем напоит.

Бойко сладко улыбнулся секретарше, и она радостно закивала:

– Конечно, садитесь, сейчас все сделаем.

– А вдруг меня искать будут? В поликлинике.

– Ничего. Лучше подождите, поскольку я хочу наш вопрос решить сегодня же.

– Ох, боюсь это вам не удастся.

– Посмотрим. – Бойко открыл дверь в кабинет Калюжного.

Лиза присела на удобный высокий стул и стала смотреть в окно. Ей подумалось, что вся эта затея и, главное, ее активное участие абсолютно не вяжутся с ее обычной манерой себя вести. Лиза никогда не была энергичным человеком, никогда не брала на себя функции лидера. «Что это со мной? Нет, лаборатория, конечно, очень нужна... Легче работать станет. Людей жалко», – в сотый раз думала она и все равно удивлялась себе.

– Вы потом опять к Леониду Степановичу пойдете? – спросила секретарь.

– Даже не знаю, – растерялась Лиза. – Мне надо бы дождаться Тихона Михайловича...

– А-а... – Секретарша улыбнулась. – Ну, тогда придется ждать. Он всегда надолго...

– Так он здесь уже бывал?

– Как же? Его фирма поставляет нам оборудование. И в хирургический, и кардиологию...

– Понятно. Могла бы догадаться.

– Вы о чем? – не поняла секретарь.

– Это я так, про себя...

Пока Лиза пила чай, пока говорила по телефону с Ксюшей, которая долго рассказывала о приключениях с дедушкой, пока дозванивалась заведующей, прошло немало времени. Из-за двойных дверей кабинета Калюжного не было

слышно ни звука.

– Я, наверное, пойду. Это действительно надолго. Мне еще карты заполнить надо. Спасибо за чай. – Лиза улыбнулась секретарше и уже было встала, как раздался телефонный зуммер.

Секретарша схватила трубку:

– Да, здесь. Сейчас. Вас просят зайти, – обратилась она к Лизе.

– О господи! – Лиза пригладила волосы и, замирая, вошла в кабинет.

Там царил дружеская атмосфера.

– Присаживайтесь, – кивнул ей Калюжный. – Елизавета Петровна, скажите, у вас какое образование. Медицинское?

– Да.

– Понятно.

– Что именно?

– Вы расчеты сами делали?

– Да.

– Понимаете, Тихон Михайлович, вот вы меня заставили прочесть это все. – Калюжный приподнял над столом папку, которую отдала ему Лиза. – Я прочел. Тут все коротко, ясно. Я бы сказал, убедительно. Но потом я заглянул в расчеты.

– А что с ними? – улыбнулся Бойко.

– А ничего. Нолик лишний приклеился.

– Как?! – Лиза с трудом подавила желание подскочить к Калюжному и заглянуть в собственные расчеты.

– Так, голубчик, Елизавета Петровна, – покачал головой Калюжный. – Я еще когда читал, думал, что-то здесь не так. Изложено все так четко, емко, лаконично. Абсолютно по-мужски, никакой лирики, хотя и присутствует некий пафос. Ну, думаю, это же надо! А вот до последней странички дошел, стало все на свои места – лишний нолик. Чисто по-женски.

– Не может быть! Я же проверяла! – Лиза залилась краской. Ей было стыдно и перед Калюжным, и еще больше перед Бойко. Он ей так помог, а она плохо посчитала. Тупо ошиблась.

– Может, может, – вздохнул коммерческий директор.

– А ну-ка, дайте посмотреть. – Тихон Михайлович потянулся за папкой.

– Да, пожалуйста. – Калюжный щедрым жестом развернул страницу расчетов.

Бойко внимательно ее проглядел, потом, взяв со стола директора калькулятор, все пересчитал.

– Да, действительно, нолик лишний. Но и без него тут неплохая картина.

– Неплохая, но это предложение надо очень внимательно пересмотреть. Вдруг там еще что-нибудь не так?

– Послушай, Леонид Степанович, дай-ка мне эту папку. Я просмотрю и приеду к тебе со своими цифрами. Может, сговоримся. Вы решите проблему, я заработаю. Тем более что наверняка смогу дать хорошую скидку.

Калюжный демонстративно отвернулся к окну с узкими белыми шторами.

– Я пойду. – Лиза тихо встала и направилась к двери.

– Подождите меня, пожалуйста, – проговорил вслед Бойко.

– Не могу, меня ждут в поликлинике. У меня вечерняя консультация.

– Ах да. – Бойко развел руками.

Лиза вышла из кабинета. А Тихон, выдержав паузу, улыбнулся Калюжному.

– Слушай. – Наедине он обратился к коммерческому как обычно, на «ты». – Ну и что, что здесь ноль лишних. Это техническая ошибка, опечатка. Это же очевидно! Она очень грамотно все сделала. Даже удивительно. Если бы у меня в конторе сидел такой менеджер, я был бы только счастлив.

– Ну, не знаю... Ей надо детей лечить, на участке за порядком следить, чтобы карточки не терялись! И потом, ты видел, какая ошибка?! Типично бабья! Нолик приписала. Будто у мужа на новые туфли денег просит. – Калюжный фыркнул. – Берутся не за свое дело...

– А если больше никто не хочет?! – улыбнулся Бойко.

– Так уж и не хочет, – заворчал Калюжный и придвинул к себе расчеты.

Последний пациент вышел от Лизы в девятом часу.

Она уже отпустила медсестру, сама сложила карты, посмотрела запись на завтрашний день и приготовилась выйти из кабинета, как в дверь постучали. Устало опустив сумку на стол, она сказала: «Войдите!» В кабинет вошел Тихон Михайлович.

– Вы как здесь очутились?! Или вам требуется осмотр педиатра? – устало пошутила Лиза. Чувство неловкости из-за сделанной в расчетах ошибки не прошло.

– Нет, вернее, да. Мне требуется педиатр. А именно вы.

– И зачем же? – включилась в игру Лиза.

– Обсудить меню.

– Какое?

– Вечернее. Так, чтобы питание получить сбалансированное. Углеводы там, белки и прочее.

– Я так устала, а вы говорите загадками.

– Какая уж тут загадка – я вас поужинать зову.

Лиза растерялась, после работы у нее было одно лишь желание – в душ и в халате на диван.

– Спасибо, но боюсь, откажу вам. Я очень устала, да и не одета, к тому же младенец на меня сегодня вывалил съеденный завтрак, пришлось футболку стирать и сушить здесь же, в кабинете. Я не в форме. Во всех смыслах.

– Вывалить завтрак – это круто! У вас опасная профессия.

– Да уж. Это еще не самый плохой вариант. Бывает хуже.

– Послушайте, Лиза, мы, конечно можем поговорить здесь, в вашем кабинете, или в моей машине – я могу вас

доставить домой. Но я ужасно хочу есть. Ваш коммерческий директор упоил меня чаем с печеньем, и у меня все слиплось в животе. Мне бы бульон и чего-нибудь посущественнее...

– Да, это было бы неплохо...

– Ну, о чем и речь! Пойдемте куда-нибудь.

– А куда?

– Да вот хоть бы тут, на площади Восстания, ресторанчик, нет, это даже кафе, в «высотке» есть.

– Там не очень пафосно?

– Понятия не имею, я там не был, а только проезжал.

– Ладно, я сейчас приведу себя в порядок. Слегка.

– Все, понял, жду в машине.

Бойко вышел из кабинета, а Лиза лихорадочно принялась искать в столе лак для волос, дезодорант и мятную жевательную резинку.

Ресторан был маленьким и уютным. Столик они выбрали у окна, и теперь Лиза с удовольствием наблюдала за машинами, которые, дребезжа по брусчатке, выезжали из узкого проулка на Садовое кольцо.

– Ну, как вам здесь? – Бойко мельком посмотрел на Лизу и тут же углубился в меню. Видать, действительно был голодным.

– Хорошо. Уютно. Людей мало.

– Вы не любите людей? – все так же, не отрываясь от аппетитных строчек, поинтересовался Бойко.

– Люблю. Но когда ты целый день среди них, мечтаешь о тихом вечере, – ответила Лиза и добавила: – Вот ваша котлета, а вот бульон.

– А, да, я уже это видел. Но, может, есть еще что-нибудь...

Лиза рассмеялась:

– Вы гурман?

– Нет, я просто люблю плотно поесть. Не обязательно деликатесы, а так вкусненькое... А вы-то себе что выбрали?

– Я буду салат и отбивную. А потом чай с пирожным. Я его уже приглядела.

– Да? – Бойко оторвался от меню и с интересом поглядел на Лизу. – Как вы быстро сориентировались.

– А что тут долго думать. Глянулось – и выбрала.

– Может, и мне это же взять?

– Закажите. Хороший ужин. И полезный, и не тяжелый. Соотношения белков и клетчатки идеально для вечера.

– Это вы о чем? – Бойко с подозрением глянул на Лизу.

– О том самом. О чем вы говорили в кабинете.

– А-а! Понятно, – рассмеялся Тихон Михайлович и сделал знак официанту.

Еду принесли быстро. Так быстро, что подозрительный Бойко стал выводить официанта на чистую воду:

– Разогрели в микроволновке? То есть вы не готовите каждому посетителю, а как в ресторанах быстрого питания – только греете?

Официант замялся и густо покраснел. Спасла его Лиза:

– Все очень вкусно. Спасибо. Господин просто вредничает.

Когда парень ушел, она напустилась на Бойко:

– Вкусно? Вот и ешьте, что вы ужин в допрос превращаете?

– Не люблю, когда обманывают.

– Значит, больше сюда не ходите. А сейчас, раз уж здесь и сделали заказ, давайте есть. В конце концов, вкусно ведь. Или я ничего не понимаю.

– Вкусно, – нехотя согласился Бойко.

– А потом, вы обещали рассказать о Калюжном. Я, кстати, хотела извиниться, что подвела вас. С этой идиотской ошибкой. Но это действительно опечатка. Вы же поняли.

– Перестаньте, вы сделали гениальную ошибку. Все несогласие оппонента сосредоточилось на этом пустяке. На существенные возражения у него не хватило запала. Потом вы тактично убедили его в его же собственном превосходстве, дали проявить власть и были так великодушны, что позволили быть ему мудрым и снисходительным.

– Вы серьезно?

– Абсолютно. Идеально правильные работы опасны тем, что их могут отвергнуть по идейным, суетным или принципиальным соображениям. Причем эти принципы будут известны только тому, кто отвергает. А когда есть недочет, ошибочка, все внимание падает на нее. На ней отыгрываются, показывают власть, потом снисхождение, и в итоге рабо-

та принимается. Всегда оставляйте зазор для критики. Если вам важен результат.

– Это же надо! – рассмеялась Лиза.

– Этот принцип я уяснил еще в школе. На уроках физики. Я тогда заметил: если я отвечаю урок, не ошибаясь нигде, – преподаватель начинает задавать мне вопросы сверх положенного. Например, сложную задачу, чтобы проверить, как я понимаю теорию. В результате я могу наделать столько ошибок, что вместо заслуженной четверки-пятерки получу «пару». Но если я расскажу параграф, забыв один маленький абзац, то учитель только задает вопрос, и именно по нему. Я, естественно, четко отвечу и получу пятерку.

– С ума сойти. Каким мудрым вы были уже в школе.

Бойко расцвел от похвалы:

– Не мудрый. Практичный.

– И все же, что сегодня сказал Калюжный после моего позора? – Лиза улыбнулась.

– Сказал, что берет два дня для доклада главному. А потом начинаем работать. Так что спасибо вам.

– Неужели! Господи, завтра Людмила Ивановна мне не поверит. И это вам спасибо! Без вашей поддержки ничего бы не получилось!

– Полноте. Это же мой бизнес.

– Нет, тут удачное сочетание устремлений и интересов. И ваше благорасположение ко мне сыграло огромную роль, – важно произнесла Лиза.

– Ну, тогда и Ирку надо вспомнить!

– Да, конечно! Я завтра же ей позвоню!

– Кстати, откуда вы ее знаете?

– Мы учились вместе, а потом она была свидетельницей на моей свадьбе.

– Да?! Как легко теперь задать следующий вопрос. Вы – замужем?

– Да, – машинально кивнула Лиза и в замешательстве перестала есть.

– Что это с вами? Вы забыли – замужем или нет? – рассмеялся Бойко.

– Представьте себе, да. – Лиза отложила вилку. – А что удивительного, если в течение семи лет ты вполне заслуженно считаешь себя замужней женщиной, и в один прекрасный день этот статус меняется фактически. Причем без скандалов, воплей, битья посуды и хлопанья дверей, почти, подчеркиваю, почти незаметно, и мысль, что ты уже не замужем, кажется весьма неожиданной.

– Не очень понял. – Тихон Михайлович даже умерил пыл в поглощении отбивной.

– Ну, как вам сказать. Я в состоянии развода. Официально замужем. – Лиза потеряла терпение. – Муж от меня ушел. Но мы не поругались.

– Это вы с ним не поругались, – задумчиво произнес Бойко. – А ему-то с вами чего ругаться?!

– Как это? – сначала опешила Лиза, а потом добавила: –

Впрочем, мама выразилась примерно в таком же духе.

– Она правильно выразилась. Ему с вами ругаться не резон – он виноват. А вы вот имеете все права на скандал. И это миротворчество не приписывайте ему как заслугу. Поди плохо – свалить и еще на блины к бывшей жене приезжать! Извините...

– Да уж. Вы мало что знаете о ситуации.

– Это верно. Может, он ушел от вас, потому что вы ему неверны были. Или не кормили, то есть не готовили. Или... Ну мало ли в чем может быть виновата женщина.

– Господи, все не так.

– А если не так, значит, вы просто святая!

– Вы думаете? Мне все время кажется, что святой – он.

– Вы пирожное это выбрали?

– Я? Ах да, это. – Лиза растерянно посмотрела в меню.

– Вот и отлично, сейчас мы поторопим молодого человека и будем пить с вами чай.

– Будем. – Лиза совершенно потерялась. Стержня, который состоял из гордости за «благополучный» развод и сохраненные «высокие» отношения, как не бывало. Спина ее сгорбилась, плечи опустились, уголки рта скривились.

– Слушайте, плюньте вы на все эти размышления. Случилось – и случилось. Ну, конечно, хорошо, что вы не измотали себе нервы идиотским и безнадежным противостоянием. Бесконечно думать об этом нельзя.

– А мне до бесконечности еще далеко. Все случилось со-

всем недавно.

– Ну и что! У вас что, дел мало? Дети, как я понимаю, с вами остались?

– Дочь. Она – со мной.

– А где сейчас?

– У мамы. На два дня отдала.

– Вот. Значит, у вас есть большая дружная семья, в которой вы не пропадете, а со временем решите все личные проблемы.

– А вы? У вас тоже крепкая семья?

– Я разведен. Давно. Три года. Есть дочь, как и у вас. Но, к сожалению, вижу ее не очень часто.

– Почему?

– Не дают.

– Простите, – в Лизе заговорила злость. – Я не очень верю в эту формулировку. Как педиатр я часто встречаюсь с разведенными мамами. И пришла к выводу, что в подобной ситуации чаще всего виноват отец. Я не конкретно о вас. Я – о своем профессиональном опыте.

– Я и спорить не буду. Моя вина есть. Но я устал ее искупать. Бесконечно приносить извинения за ошибки, когда-то сделанные, – это не один ангел не выдержит.

– А вы причисляете себя к ангелам? – съязвила Лиза.

– Нет, я хотел сказать, что даже ангелы с праведной дорожки сходят очень быстро. – Бойко отставил пустую чашку и пояснил: – Лиза, как показал мой опыт – рассудить раз-

веденных людей невозможно. Хотя бы потому, что они даже сами себе врут, не то что другим. Я переболел развод. Мне было тяжело. Сейчас я чувствую себя лучше, а потому предпочитаю не залезать в дебри психологии семейной жизни.

– Извините, это я вас спровоцировала своим признанием.

– Ну, отчасти. – Бойко улыбнулся. – Лиза, нам теперь предстоит часто встречаться.

– Почему это?

– Потому что Калюжный назначит вас ответственной за реализацию той самой идеи, которую он сегодня, по сути, утвердил. И я бы не хотел ни с кем работать, кроме вас.

– Что так? – Лиза была удивлена. И тем, что ее сделают главной, и тем, что Бойко отдает предпочтение ей.

– На вас можно положиться. Вы умны, совестливы...

– Но Людмила Ивановна...

– Людмила Ивановна – прекрасный человек, но у нее не тот возраст. А тут надо будет бегать, утрясать вопросы, ругаться, нанимать людей и еще много чего. Все, что делается при запуске нового проекта.

– Как солидно звучит!

– Так и дело солидное. Хорошая лаборатория – это нужная и полезная вещь. Мы вам все смонтируем, а вот работу вы наладите сами. Там есть нюансы.

– Подозреваю. А откуда вы знаете, что Калюжный назначит меня?

– Я с ним говорил.

– А как же мой участок, пациенты?

– Думаю, в конце концов надо будет пациентов передать другим врачам.

Лиза вздохнула.

– Наверное. Но сейчас я очень устала.

– Доедайте пирожное, и я вас отвезу домой.

– Как хорошо. Я так устала, что даже кокетничать не буду и сразу соглашусь.

Любое хорошее дело сразу обрастает нехорошими нюансами. Утром следующего дня Лиза успела выслушать и шутовское поздравление, и саркастический смех – мол, делать больше нечего, и открыто завистливую реплику: «Ну, предусмотрительные люди плацдарм для отхода заранее готовят!» Последнее было не что иное, как намек на возможное сокращение, которым пугала администрация. В конце концов Лиза пошла к заведующей. Людмилу Ивановну она застала за приятным занятием – та застыла перед коробкой «Ассорти» и выбирала шоколадную конфету.

– Угощайтесь, – Людмила Ивановна протянула Лизе огромную коробку, – подарили. Благодарные пациенты. Крепилась неделю, сегодня не выдержала.

– Спасибо. – Лиза выбрала конус в золотой фольге. – Красивые. Я таких не видела.

– Это – из Франции. Там внизу еще второй слой. – Люд-

мила Ивановна положила в рот кусочек. По ее виду было заметно, какое это удовольствие – так просто, без причины открыть шикарную коробку конфет. Лиза знала, что Людмила Ивановна одинока, зарплата у нее невелика, а частной практикой она не подрабатывает, знакомых консультирует бесплатно. Лиза понимала, что это следствие и возраста – настоящие врачи старой закалки были всегда более щепетильны, не так быстро подстраивались под новые правила.

– Очень вкусно! Вам надо сегодня целый день пить чай с этими конфетами. И настроение будет отличное. Как-никак шоколад – источник счастья.

– Елизавета Петровна, вы же врач, не повторяйте эти глупости! – Людмила Ивановна со вздохом вытянула еще одну конфетку.

– Не буду, – улыбнулась Лиза. – Вы в курсе вчерашних событий?!

– Еще бы! Уже в курсе вся поликлиника.

– Я заметила.

– Не обращайтесь внимания. Дальше будет хуже.

– Почему?

– Потому что я предложила вашу кандидатуру на место заведующей лаборатории. Правда, Калюжный в своем репертуаре. Новое подразделение будет называться не лабораторией, а Центром диагностики. Между нами, название громкое и дурацкое. Но его не переспоришь. У вас сейчас завистников появится – видимо-невидимо. Готовьтесь.

– Господи, а можно мне не соглашаться?!

– Можно, но не стоит. Во-первых, будет сокращение. Это точно. Во-вторых, лучше вашей кандидатуры не найдешь.

– Почему вы так думаете?

– Вы очень ответственный человек. Очень спокойный. Неконфликтный. Вы умеете обращаться с людьми. Бережно. Ну и потом вы молоды, вам надо делать карьеру.

– А если я не хочу?

Людмила Ивановна оторвалась от шоколада.

– А что же вы хотите?

Лиза задумалась. Сказать, что она хочет, чтобы вернулся муж и они зажили бы как раньше, было нельзя. Не поймут.

– Я не знаю. Я, правда, не знаю, но я так не люблю перемены.

– Послушайте, Лиза, вы можете отказаться. На это место притких найдется куча. В нашем же коллективе. Еще больше сможет привести сам Калюжный. Но лучше вам пойти туда. Для вас же лучше.

– Почему?

– Работа лечит.

Лиза подняла глаза на заведующую, но та замахала руками:

– И ничего не спрашивайте, у нас в коллективе даже государственную тайну разболтают!

Лиза вдруг почувствовала, как появляются слезы. Людми-

ла Ивановна оторвалась от конфет, глянула на подчиненную и спросила:

– Слушайте, а как вы свой «Наполеон» печете? Это же вы приносили на праздники торт?

– Я, – кивнула Лиза, понимая, что ее отвлекают.

– Ну так пишу. – Людмила Ивановна достала ручку.

Лизе пришлось сосредоточиться и, вспоминая пропорции, произнести:

– Там главное тесто...

Она вышла из кабинета через полчаса с улыбкой. Судя по всему, у нее начиналась новая жизнь.

Элалия Павловна была недовольна. Жизнь в квартире на Соколе вдруг приобрела черты таинственные и загадочные. Более того, дочь вдруг все чаще оставалась дома с внучкой и даже иногда не отводила ее в детский садик.

– Ты можешь мне сказать, что все это значит?

– Что именно?

– Почему Ксения не была в саду.

– Я была дома, зачем же в садик отводить?

– Детям нужно общение. Нужны сверстники, нужна социализация...

– Мама, три месяца назад ты говорила, что я сдала ребенка на руки государству и тебе. А теперь выясняется, что и дома плохо.

– Не цепляйся к словам, ты прекрасно понимаешь, о чем

я говорю.

– Нет, не понимаю. Mam, я работаю, сейчас Ксюша проснется, и мы пойдем гулять. Я тебе тогда и позвоню.

– А почему ты дома работаешь? Что за новости?

– Это старые новости, я тебе как-то пыталась рассказать.

– А, это про то, что кал и мочу можно будет сдавать прямо у вас.

– Да, именно про это. – Лиза вздохнула. Она помнила тот разговор – маме не понравилось, что дочь вдруг задумалась о карьере. «Для тебя главное – ребенок! А не анализы какие-то там. Руководить – это значит тратить свое время на чужие интересы и чужую выгоду! Сейчас ты это себе позволить не можешь. И потом, что это за должность такая – баночки с калом и мочой сторожить!» Говоря это, Элалия Павловна повернулась за поддержкой к мужу. Но тот никак не отреагировал. Лиза не очень удивилась подобной реакции, но надеялась, что мама все-таки оценит ее карьерные успехи.

– Знаешь, у тебя растет дочь. Надо думать о будущем в прямой связи с этим обстоятельством.

– Mam, это как-то обтекаемо. Ты конкретно можешь сказать, что ты имеешь в виду?

– Могу. Ты должна остаться педиатром. Уж коль выбрала эту профессию.

– Эта профессия остается при мне.

– Но заниматься ты будешь другим. А там выше этих ба-

ночек уже не прыгнешь.

– А педиатром?

– Ты можешь заниматься частной практикой, ты можешь устроиться в коммерческую поликлинику. Ты, наконец, можешь стать семейным врачом. Кроме того, есть масса организаций, которые занимаются проблемами педиатрии на самом высоком государственном или международном уровне. Из своей лаборатории ты туда не попадешь. Ты останешься там навечно. Там рост невозможен. Там невозможно зарабатывать деньги. А Ксения должна учиться, ей надо дать хорошее образование, она девочка. А следовательно, это танцы, рисование, музыка. Ну, музыка, ладно. Это я устрою, но все остальное?! Потом, надо ее выдать замуж...

– Мама, ей шесть лет! Она в школу еще не ходит!

– Ты не представляешь, как быстро летит время, как быстро исчезают силы и как сильна конкуренция. Ты, Лиза, живешь в вате. Причем очень плохого качества.

Лиза аккуратно отключила телефон. Этот разговор был как две капли воды похож на предыдущие – о Лизиной учебе, замужестве, хозяйственном устройстве. Мать всегда считала, что планка Лизы недостаточно высока и дочь довольствуется малым. Даже ничтожно малым, а самое главное, не думает о будущем. «Странно, почему она об этом не сказала раньше. Или к таким выводам мать пришла только сейчас? Так или иначе, а отступать мне некуда. Договор между больницей и фирмой Бойко подписан. Ремонт правого кры-

ла, где это все будет размещаться, уже идет. Завтра я должна быть в фирме и уточнить список оборудования. Я дала согласие и не могу никого подвести. Наверное, мама права, а я, как всегда, сглупила. Жаль, что с этими сомнениями мне предстоит работать». Лиза попыталась вникнуть в переводную статью, но на душе было тяжело от разочарования и раздражения против себя самой. «Ладно, статью осилю завтра. Да и с Бойко имеет смысл поговорить. Он на редкость разумный и практичный человек». Лиза отложила журнал и пошла готовить дочери какао.

Гуляя с Ксенией, Лиза маме не перезвонила, но мысленную полемику с Элалией Павловной вела: «В конце концов, так было всегда – мама недовольна любым моим начинанием. Понимаю, это от излишнего беспокойства за меня, хотя сейчас, будучи матерью, я начинаю понимать, что в этом беспокойстве есть доля эгоизма. Можно «вздрючить» нервы себе, другим и думать, что что-то поменялось. Но на самом деле проблему просто загнали вглубь. Вот с Борькой, например, ситуация. Мой братец умен и талантлив, но терпеть не может математику, почему она не разрешила ему выбрать дело по душе?! Он так хотел заниматься биологией – тут, конечно, и Андрей на него оказал влияние. Против напора и увлеченности Андрея устоять трудно. Вот Борька и заразился.

Но ему и нравилось! Что сказала мама? Она заявила, что, судя по тому, какую карьеру делает мой муж, будущее-

го в этой профессии не очень много. А Боря – математик от рождения, туда и надо идти! Вот Борька и мучается. Зато его ждет «светлое будущее»!»

Прогулка, чтение книжки, мультфильмы, глажка белья, новости по телевизору – все это Лиза делала машинально, погруженная в свои мысли. К вечеру, когда дочь уже спала, Лиза осознала, что просто вымотана. Не домашними хлопотами, не капризами Ксении, которая не хотела ужинать и спать, не возней на кухне, Лиза устала от бесконечных сомнений, которые вселил в нее разговор с Элалией Павловной. Она дождалась, пока дочка заснет, и позвонила отцу.

– Пап, ты не спишь еще?

– Нет, что ты. Вот жду маму, она на концерте.

– А почему ты не пошел?

– Я уже был, вчера. Маме надо было с кое-кем увидеться.

– Понятно. – Лиза замолчала в нерешительности.

– Дочка, что у тебя случилось?

– Пап, да ничего особенного. Просто я с мамой разговаривала утром и теперь не знаю, что делать.

– Ты о чем?

– Она против того, чтобы я шла работать в лабораторию.

– Почему?

– Она утверждает, что там нет будущего. Я там не смогу сделать карьеру. И не смогу зарабатывать деньги.

– Но она права, если я правильно понял, чем ты будешь заниматься.

– И что же мне делать?

– Сложный вопрос. Ну, участие в этой инициативе не предполагает автоматического согласия на пост заведующей. Но если ты ответила «да», отступить некрасиво. Ты же не можешь подвести людей?!

– Нет, конечно, не могу. А еще я не могу так жить, когда мне в тридцать лет стараются внушить, что я ничего в этой жизни не понимаю, когда мной пытаются руководить даже в мелочах, когда мне не доверяют ребенка...

– Это ты уже глупости говоришь, ты просто расстроена.

– Нет, папа, это не глупости. Мне надоело слышать каждое утро фразу: «Ксения, конечно, голодная пошла в сад!»

– Это фигура речи! Это внешняя форма беспокойства человека, к которому с детства были строги и который сам вырос строгим. Ты должна понимать это!

– Я не хочу понимать, я хочу от семьи слов поддержки и одобрения. Хотя бы иногда. В мелочах. Я не такая уж бездарная и не такая бестолковая. Мне хватило упрямства и напора отстоять то, что действительно интересно. Я всегда хотела быть врачом. Я с отличием окончила институт, получила прекрасное распределение, меня уважают в поликлинике! Чем это плохо?! Да, не так амбициозно, как хотела бы мама! Ты заметил, как она представляет меня незнакомым людям?! – Лиза перевела дух и продолжила: – Она обязательно скажет: «Моя дочь, пока еще педиатр, готовится с силами к научной работе». Папа, я не готовлюсь к научной работе

и никогда не буду ею заниматься, зачем врать?! Зачем? Почему нельзя просто гордиться тем, что есть. И ведь это не так плохо?!

– Не кричи так, Ксению разбудишь! Да, мама, хотела большего для тебя...

– Но я этого не хотела! Мне нравится то, что я делаю, и делаю я это отлично!

– Прекрасно, но почему ты сердишься так на нее?! Только из-за этого?

– Да. Я была горда, что добилась открытия лаборатории, я даже расчеты сама делала, я нашла человека, который оборудование нам поставит, меня рекомендовали, а не я сама напросилась. Это тоже чего-то стоит. А теперь...

– Что же теперь?

– Теперь я думаю, что я опять сделала что-то не так. Что ошиблась, как ошиблась, по мнению мамы, с профессией. Что я не думаю о Ксении.

– Если ты так уверена в правильности своих поступков, зачем даешь волю сомнениям?! Делай, как решила. Не слушай никого.

– Папа, мама – это не «никто». Сложно не слушать собственную мать.

– Лиза, успокойся. Мама человек с амбициями и очень практична. Это нельзя считать недостатками, она любит подчинять себе. Но до сегодняшнего дня ты, прислушиваясь к ней, удачно противопоставляла ей свою логику. И у тебя

ведь все получалось.

Лиза вдруг поняла, что отец улыбается. И действительно, как ни давила на нее Элалия Павловна, Лиза все делала по-своему. Просто это «по-своему», из-за вечного противостояния матери, давалось тяжело. Она рассмеялась:

– Ну да, так и есть. Просто мне еще захотелось официального признания.

– Этого ты никогда не дождешься, – хмыкнул отец.

– Целую тебя, пап. Спокойной ночи.

Лиза еще немножко посидела в кресле, прислушиваясь к сопению дочери: «Она простудилась. Так я и знала. Господи, надо опять больничный брать!» Лиза поморщилась, а потом вдруг подумала: «Нет, я не буду брать больничный. Пока я могу быть на работе неполный день. Съезжу к Бойко, там сделаю все дела, загляну к строителям в поликлинику, посмотрю, как продвигается работа, и вернусь домой. Буду Ксению лечить. Я теперь почти начальник и самостоятельно принимаю решения». Она потянулась, подхватила с кресла халат и пошла в душ.

Тихон Михайлович Бойко сидел с огромным списком и тихо злился. Вот уже второй час Елизавета Петровна мучила его вопросами. В этой внешне нерешительной молодой женщине была цепкость клеща.

– Понимаете, можно и такую конфигурацию сделать, – Бойко подкладывал все новые и новые листы с чертежами, –

а можно и такую. По цене – одно и то же.

– Но почему они разные тогда? – недоумевала Лиза.

– Потому что тут две установки другого производителя.

– А если что-то выйдет из строя и придется искать замену, мы рискуем. Этот поставщик может и прекратить выпуск, и что-нибудь еще...

– Что что-нибудь еще? – не выдержал Бойко.

– Послушайте, не сердитесь. Мне за это всё отвечать, и мне с этим всем придется разбираться, я не хочу головной боли. Тем более я не совсем все понимаю. Надо же сделать так, чтобы все работало максимально долго и без проблем.

– Конечно, конечно, – вынужденно согласился Тихон Михайлович и вкрадчиво заметил: – Вы ж будете у нас на гарантийном обслуживании. Все приборы, все установки, все колбочки, стеклышки, пипеточки и иголочки...

Лиза посмотрела на Бойко и рассмеялась:

– Будет вам, хорошо, только все-таки давайте возьмем всё одной фирмы.

– Договорились. Ну, всё?

– Вы спешите? – Лиза подняла глаза на Тихона Михайловича.

– Нет, то есть да. Спешу. Мне поручили, в кои-то веки, между нами, дочь отвезти. У нее какое-то прослушивание сегодня, а жена не может.

– Господи, так что же вы раньше не сказали, а я тут резину тяну?! Могли бы с вами и в другой день встретиться.

– Нет, откладывать уже нельзя, ремонт у вас почти закончен, Калюжный мне звонил, просил поторопиться, начальство с него спрашивает.

– Ну, тогда до свидания, буду ждать от вас звонка. Людей на работу я уже взяла. И лаборантов, и регистратора.

– Я вам позвоню обязательно. – Бойко подскочил и стал натягивать пиджак.

Тихон Михайлович позвонил в тот момент, когда Лиза наносила зубной щеткой краску «арктический блондин» на кончики челки.

– Вы что делаете? Я не поздно?

Лизе хотелось сказать, что не вовремя, что у нее в самом разгаре внезапные химические опыты. Но мужчине совершенно не объяснить, что решение перекрасить волосы может прийти в половине одиннадцатого вечера, во время просмотра мелодрамы, где главная героиня соблазняла героя ослепительно-белыми прядями. Мужчине не объяснишь, что решение было настолько твердым, а желание преобразиться таким сильным, что ждать утра и визита к парикмахеру не представлялось возможным. Мужчина также не понял бы нюансов – специально предназначенная для этих процедур щеточка была утеряна дочерью после долгих упражнений с акварельными красками, а ее роль теперь выполняла зубная щетка.

– О нет, нет, я – нормально, – по-дурацки ответила Лиза,

стирая с носа голубоватую пену. С челки капало не только на нос, но и на футболку, раковину, пол.

– Как хорошо. А я так спешил, думал, вы уже спите. Я ведь только-только освободился, дочку домой отвез, сдал на руки жене.

– И как все прошло? – Лиза посмотрела на себя в зеркало одним глазом, второй вдруг защипало от аммиачных испарений.

– Она очень талантлива, очень! Думаю, поступать ей надо будет в театральный.

– Ну, ей же еще учиться лет пять, вы говорили. – Лиза оглянулась в поисках старого полотенца, чтобы стереть с себя это все капающее безобразие.

– Да, конечно, но это я так, с прицелом на будущее. Сейчас она поступала в театральную детскую студию.

– Я вас поздравляю.

– Лиза, а вы не хотите что-нибудь выпить, перекусить, я вот как выскочил из офиса, так ничего и не ел.

«А бывшая не могла покормить?!» Лиза вспомнила большие обеды, которые устраивала для Андрея, когда он навещал Ксению. Трапезы были веселые, обильные, дочка их обожала. Как и Андрей, судя по всему.

– Уже поздно... – произнесла она вслух.

– Еще одиннадцати нет!

– У меня дочь спит. Я не могу уехать.

– Жаль, очень жаль. Мне так поговорить хотелось. Вы зна-

ете, мы только притворяемся, что нам никто не нужен. Знаете, как нужен?! Позарез. Даже если мы развелись, разругались и морду друг другу били. Я вот думал...

– Я вас поняла, – перебила его Лиза, поскольку голубая едкая пена теперь разъедала ее любимую футболку. – В моем доме есть «Шоколадница», на первом этаже, давайте там. Они круглосуточно работают. И я буду спокойна.

– Еду, – выпалил Бойко, и Лизу оглушили короткие гудки. «Боже, что же делать! Он по вечерней Москве домчится за пять минут!» – Лиза посмотрела на посиневшие волосы.

В «Шоколадницу» она спустилась через полчаса, натянув на голову тонкую вязаную шапочку. Шапочка была шелковистая, из ниток «ирис», синего цвета. К ней Лиза прибежала, когда надо было выйти на улицу, а голова была не мыта. Единственный недостаток этого головного убора был в том, что он слегка подчеркивал чуть выпирающие уши. Ушки были тонкие, изящные, но чуть торчащие. Зато тонкий овал лица, тонкую, прозрачную кожу с точечками веснушек на переносице, темно-пепельные брови, темные ресницы и большие глаза эта шапочка подчеркивала идеально. А еще у Лизы был красивый подбородок – чуть острый, прекрасного рисунка, просто точеный. И с волосами, убранными под эту шапочку, подбородок и весь рисунок лица казался точеным. Лиза редко когда красилась – она была и так хороша – лицо, словно раскрашенное акварелью, было нежным.

– Послушайте, как вам идет вот это... – примчавшийся

Бойко уставился на нее восхищенным взглядом. – Нет, с волосами, и с этим... самым, ну, что вы там себе закалываете на макушке...

– С пучком, – подсказала Лиза.

– Да, с ним тоже хорошо, но так... Да вы просто красавица. Вам вполне можно постричься налысо. Вы будете просто сногшибательно эффектны.

– И моя мама сразу меня убьет.

– Почему?

– Она терпеть не может отступления от правил и норм.

– Ну, женская голова, лишенная волос, – это сейчас уже не что-то из ряда вон выходящее.

– Как сказать, – вздохнула Лиза. – Ну, о чем вы хотели поговорить?

Бойко на минуту смолк, а потом вдруг сказал:

– Лиза, я так рад, что встретился с дочерью! И что с бывшей своей спокойно поговорил, и что в дом она меня впустила... Все то время, до сегодняшнего дня, у меня было ощущение, что я прокаженный. Не просто человек с недостатками, человек, совершивший ошибку, человек, который заслуживает неприязни, а прокаженный, которому не место среди людей.

– Так уж среди людей...

– Среди тех, кто когда-то был близок...

– Вот это уже точнее, – улыбнулась Лиза.

– Послушайте, я сейчас могу и глупость сказать, но я

под таким впечатлением и от того, в какого подростка превратилась моя дочь, и от того, какая она талантливая, способная. И в этом заслуга ее матери, я честно это признаю, я тут вообще ни при чем. Я ведь даже с ней не встречался, иногда по телефону разговаривал, деньги переводил. А так – никаких контактов...

– Это ведь не ваша была инициатива...

– Вы же, Лиза, сами сказали, что если бы очень надо было – добился бы...

– Да, верно. Но вы не думайте ни о чем таком больше. Все уже закончилось. Теперь вы и общаться будете, и сможете ее многому научить. На меня папа до сих пор сильнейшее влияние имеет.

– Так часто бывает с дочерьми. Мне мои друзья-мужики говорили.

– Ну вот и прекрасно.

– Да, да, конечно. Вы правы!

Бойко залпом выпил чай и в каком-то порыве оглядел зал кафе.

– Как же хорошо, когда можно вот так поделиться настроением, поговорить и среди ночи выпить чай с человеком, который все понимает... Лиза, спасибо, что согласились встретиться со мной!

– Да, что вы! Не благодарите, Я рада, что у вас так все хорошо складывается. Ведь я это отлично понимаю. Хотя дочь и мужа никогда бы не лишила возможности видеться.

– Вы – другая. Вы совсем другая. Я об этом подумал еще тогда, когда увидел вас впервые.

– Мне казалось, что вы рассматриваете меня как заказчи-ка, выгодного клиента.

– И это было. У меня же все-таки бизнес. Но потом, ко-гда вы уже встали, когда со смехом указали на испорченную дочь-рю сумку... У вас это получилось так просто и есте-ственно... Я тогда подумал, что вы настоящий врач. Чело-век, который хорошо знает цену по-настоящему важным ве-щам. И эта ваша решимость с устройством лаборатории. Са-ми же понимаете, место не хлебное, рутинное, про него все скоро забудут...

– Главное, пациентам удобно будет...

– Смешная вы. Главное – что вы это поняли.

– Еще бы не понять... Я такого наслушалась и нагледе-лась... Вы тоже считаете, что лаборатория – это не очень ин-тересное место для работы.

– Нет, это не научная структура. Чисто функциональная вещь.

– Значит, мама права...

– Это вы о чем?

– Моя мама считает, что я совершила ошибку, согласив-шись на эту работу. Надо было оставаться в поликлинике пе-диатром.

– И почему же?

– Нет роста. Нет денег. Но главное для нее – рост.

– Ну что же, это надо уважать. Родители имеют право на амбиции. Вы ведь для дочери тоже не самый простой путь выберете. Вы захотите ей дать больше и устроить получше. Что ж вы на маму обижаетесь.

– Я не обижаюсь. Просто я уже не ребенок. И все хочу делать так, как считаю нужным.

– Не сердитесь. Я постарался быть объективным, хотя в таких вопросах это очень сложно.

– Не сержусь. У вас такой день, что на вас сердиться нельзя.

– Да, день сегодня очень хороший. На душе как-то легче стало.

– Я вам завидую. Мне всегда немного грустно.

– Странно, вы производите впечатление человека уравновешенного, спокойного, человека, у которого чистая совесть и хороший аппетит. А следовательно, и хорошее настроение.

– Это так кажется. Я – про настроение. Я – грустная зануда. Особенно в последнее время.

– Да? Так сразу и не скажешь. Ну ничего, скоро мы вам всякой всячины привезем, устанавливать будем, скучать будет некогда.

– Хорошо бы. – Лиза помолчала. – Ну что, теперь по домам?

– Да? Уже? Думаете, дочка проснется?

– Да нет, она спит крепко, спокойно. Просто завтра рано вставать.

– Жалко уходить. В этом кафе хорошо. Музыка хорошая, тихая, уютно.

– Да, я его люблю тоже. – Лиза хотела прибавить, что с Андреем они сюда часто ходили, но промолчала.

Впрочем, Бойко и так все понял.

– Воспоминания?

– Они, – кивнула Лиза.

– Страшная штука. Почти как угрызения совести.

– Знакомо.

– Как всем нам. Слушайте, Лиза, а что вы завтра делаете?

– С утра в поликлинике. Потом домой. В обед буду свободна.

– А не хотите со мной завтра на выставку медоборудования съездить? И развеетесь, и для работы полезно.

– Думаете, полезно?

– Уверен. Соглашайтесь. Я за вами заеду в поликлинику.

– Даже не знаю.

– И знать нечего. Осваивайте технику большого здравоохранения.

– Ладно. – Лиза рассмеялась. – Буду вас ждать.

Профессиональные выставки – это такой своеобразный бизнес-ланч среди серых трудовых будней. Для тех, кто эти выставки устраивает, это, конечно, труд – хлопотный, нервный, полный надежд и амбиций. В конце концов, товар лицом показать нужно. А для тех, кто их посещает, – это и по-

вод отдохнуть от работы в офисе, и повод встретиться с друзьями-коллегами, а также под предлогом переговоров решить кучу собственных дел. Выставки хороши еще и тем, что можно как-то особенно одеться, с бейджиком и важным видом походить по стендам, задавая ничего не значащие вопросы и изображая крайнюю важность. Впрочем, этим грешит младший офисный состав. Люди солидные здесь занимаются делом.

Брючный костюм с лацканами-ушами все-таки дождался своего часа. Почти в три ночи Лиза, закрывшись на кухне, отпаривала плотную серую ткань, чистила ее жесткой щеточкой, утюжила стрелки на брюках. Потом она залезла на антресоли и достала несколько обувных коробок. Пересмотрев их содержимое, она вынула из одной почти новые туфли-лодочки, которые были куплены в приступе неконтролируемой жадности – туфли были на размер меньше положенного. Но тогда, пару лет назад, Лиза, зажмурившись, схватила их мертвой хваткой – туфли были элегантными до умопомрачения. Одного взгляда было достаточно, чтобы стало понятно – это не просто обувь. Это Обувь с большой буквы. «Ну и что, что малы! – убедила себя Лиза. – Я же не каждый день в них буду ходить. А так, по торжественным случаям. А их не очень много. Так что час-другой в туфлях-маломерках – несмертельно». С момента покупки Лиза их надевала два раза – в Большой театр и на свадьбу к подруге. И в том и другом случае Лиза возвращалась домой на полусогнутых

ногах – туфли жали безумно. Сейчас, готовясь в ночи к визиту на выставку медоборудования, Лиза вдруг вспомнила о них и решила, что они как раз и дополняют ее скромный вид необходимым элегантным блеском. Туфли действительно были хороши – есть что-то магическое в отлично сшитой паре обуви, что-то лаконичное и вместе с тем очень убедительное. «Вот. И пусть кто-нибудь что-нибудь скажет...» – невпопад подумала Лиза, бережно вложила туфли в пыльник и положила их на кресло. Легла спать она под утро.

Выставочный комплекс напоминал фойе театра перед началом спектакля – людей было много, все окликали друг друга, шумно здоровались. Было понятно, что они иногда встречаются и каждая встреча для них как подведение промежуточных итогов. Вопросы: «Ну как ты?!», «Ты еще там?» и подобные им – выдавали соревновательный интерес присутствующих. На этой выставке мужчин было больше, а присутствовавшие дамы выглядели чрезвычайно важно. Лиза сразу же оробела. Она на всякий случай еще раз окинула себя взглядом – в фойе была зеркальная стена, убедилась, что выглядит хорошо, переложила сумочку из руки в руку и стала ждать Бойко, который пошел искать коллегу.

Тихон Михайлович, как и обещал, заехал за ней в поликлинику и терпеливо ждал во дворе. Лиза видела, как Бойко вышел из машины, задрал голову наверх, как будто выглядывал кого-то. Лиза в это время давала последние указания рабочим, затем она вернулась в кабинет, сняла халат и пере-

обулась. В те самые лодочки, которые были малы. «Господи, у людей в моем возрасте ноги ведь уже не растут?!» Лиза еле-еле втиснула ноги в мягкую кожу. Сделав несколько шагов, она охнула – в туфлях можно было только стоять. «Кожа тонкая, податливая, думаю, что в процессе ходьбы чуть растянется». Лиза быстро причесалась, подкрасила губы и спустилась к машине.

– Какая вы сегодня деловая! – воскликнул Бойко и кинулся открывать дверь машины.

– Я старалась, – честно ответила Лиза. – Понимаете, я так давно хожу в белом халате, что перестала придавать значение одежде. Что ни надень, все равно никто не увидит.

– Жаль, вам очень идут брюки, – ответил Бойко.

Лиза сразу отметила оценивающий взгляд спутника, а также от нее не укрылся его вздох облегчения. Можно было подумать, что он сомневался в спутнице, в том, как она оденется. И сейчас, увидев ее, обрадовался тому, что соответствует... «Вот только чему? – подумала Лиза. – Или кому? Ситуации или ему, Бойко. Сам он выглядит очень важно. И костюм, и рубашка... Нет, я понимаю, каждому мужчине хочется, чтобы на его спутницу оглядывались». Лиза против воли пыталась оправдать Тихона Михайловича, но в глубине души ее что-то покорило. Что именно – излишнее ли внимание к внешнему виду вообще или его беспокойство относительно ее вкуса и манеры одеваться. «Не стоит морочить себе голову, есть вопросы и сложней. Например,

мои туфли», – наконец пришла она к выводу и еле удержалась от искушения сбросить тесную обувь.

Сейчас, стоя у большого зеркала и наблюдая за оживленной, словно пришедшей на праздник толпой, Лиза пыталась стоять ровно, не опираясь на стену. «И еще мне нельзя садиться, иначе я больше не встану! Господи, зачем я их надела? Почему я не пошла в сапогах?!» Вопрос был риторическим. Лиза отлично знала, что пойти в сапогах означало пойти в платье. Или юбке. Но платье она уже надевала, а юбки были все старые.

«Я совершенно себя запустила. – Мысли Лизы все равно вертелись вокруг ее внешнего вида. – Когда с Андреем жили, вроде ничего и не надо было. Во всем я ему нравилась. А сейчас так с деньгами туго, что о покупках и думать нечего! Стоп! Может, я Андрею как раз и не нравилась, потому что была одета кое-как. И мама всегда меня ругала».

– Вы почему такая хмурая?! Такая элегантная женщина, а лицо словно ругаться с кем-то собрались! – Рядом стоял Бойко и пытался взять ее под локоть.

– Я не хмурая, я задумчивая.

– Перестаньте, пошли, мы сначала подойдем к французам, я у них много чего купил в свое время.

– То есть вы не представителем были, а просто закупали оборудование?

– Да, я начинал с того, что ездил по выставкам и договаривался о покупке подержанного оборудования. У нас тогда

вообще ничего не было в поликлиниках и больницах...

– И удачно бизнес шел?

– Весьма. В те года любой бизнес был удачным. Если только голову не теряешь.

– Это верно. – Лиза шла рядом с Бойко и улыбалась людям, которые с ними здоровались.

– Вас многие знают, – заметила она.

– Ну, не удивительно, моя фирма в последнее время одна из самых крупных поставщиков. Плюс к этому мы еще и официальные представители «Алфамеда». Имена наших сотрудников многие знают наизусть. Мы – хорошие клиенты.

– Вы мне как-нибудь объясните эту систему?

– Обязательно. Вы должны это понимать, мало ли как пойдет работа...

Бойко не успел ответить, как к ним, восхищенно разводя руками, направилась высокая седовласая дама с короткой стрижкой.

– Мсье Бойко! Как мы рады вас видеть! Как ваши дела?

– Добрый день! Бонжур!

Тихон Михайлович от неожиданности поперхнулся, Лизе показалось, что он собирается с мыслями, а потом она поняла, что Бойко совершенно не знает французского языка.

– Вы говорите по-русски, я переведу ей, – не стирая с лица улыбки, шепнула Лиза.

– А вы умеете?

– Нет, просто притворяюсь. Говорите.

Бойко замялся, а затем стал говорить чуть громче обычного, делая паузы между словами – так люди иногда, для лучшей доходчивости, беседуют с теми, кто не знает их родной язык. Лиза чуть выждала, затем, пользуясь паузами в речи спутника, стала переводить. Судя по реакции французской дамы, язык Лиза знала хорошо. Бойко это понял, расслабился и перешел на нормальный тон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.